

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

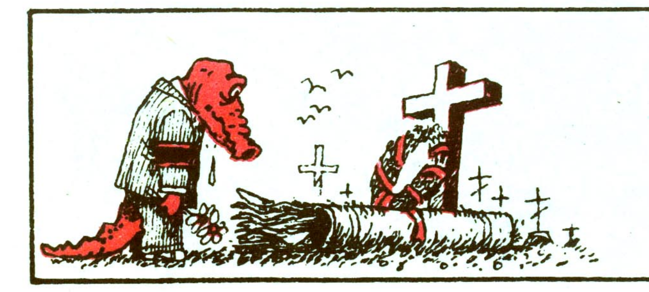
№ 33 НОЯБРЬ 1989

ТЕЛЕМОСТ СССР-США

Эту мисс интересует вопрос: Если у вас 60 сортов колбасы, то сколько же отпускают в одни руки?

ТВ

О. ТЕСЛЕР, А. ДЕГТЯРЕВ (тема).

«Рассыпчатые» книги — на потоке

Стр. 10.

КРОКОДИЛ

№ 33 (2655)
ноябрь 1989

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Сдано в набор 19.10.89.
Подписано к печати 26.10.89.
А 00395.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 200 000 экз.
(1-й завод: 1 — 2 600 077).
Зак. № 1394.
Цена 30 коп.

НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», гор. Свердловск, проспект Ленина, 49.
Тираж 5 300 000 экз. (4 завод 4 000 001—5 300 000). Зак 1859

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЬСКОГО ПИСЬМА

ЧУЖОЙ ПАПА НЕ НУЖЕН

...Год назад дочь подарила мне внучку. Назвали мы ее Анжелочкой. Девчушка — прелесть. Проходит время, надо регистрировать. Отнесли документы в загс г. Елизово. Да, я забыла написать, что отца у внучки нет. Но когда мы получили свидетельство о ее рождении, то оказалось, что есть отец у моей внучки! А нашли его в Елизовском загсе, вернее, придумали. Дали ему фамилию дочери, имя — по отчеству дочери, а отчество... не знаю чье. Получился новоиспеченный папаша — Долганов Сергей Иванович. Когда моя дочь возмутилась, ей в загсе сказали, что у них на это есть указание. Вот только чье это указание — не сказали.

Да, плохо, когда у ребенка в свидетельстве о рождении в графе «отец» — прочерк. Но кто дал право вписывать кого угодно в документ, который дается человеку на всю жизнь, без согласия матери?.. А вдруг где-нибудь проживает человек с такой фамилией, именем и отчеством, а внучка вырастет и станет разыскивать своего «папочку», да и найдет этого человека? Что тогда будет: смех или слезы?.. Да и не нужен нам самодеятельный папаша, если настоящий сбежал...

Л. ДОЛГАНОВА,
г. Елизово Камчатской области.

ПРЕДЛАГАЮ АУКЦИОН

В вашем журнале была помещена статья под названием «Галантерейные миражи». В ней решается вопрос о порядке реализации конфискованного по суду имущества. Ясно, что реализация его через «галантерейные и им подобные магазины» отпадает, так как это преступно. Комиссионные магазины тоже не гарантируют от махинаций.

Предлагаемая в статье реализация конфискатов непосредственно со складов милиции среди наиболее отличившихся сотрудников тоже недопустима, так как всех лиц, причастных к конфискации, хранению и распределению конфискатов, она ставит в привилегированное положение по отношению к рядовым советским людям.

Как можно убедиться по сегодняшней периодической печати, и в правоохранительных органах встречаются лица с искаженным понятием о честности и порядочности. Поэтому и здесь процесс распределения конфискатов может быть искажен и кумовством, и чинопочитанием, что неминуемо породит обиженных, а в результате — скрытую неприязнь в коллективе.

В мире нет таин, и в результате на милицию может лечь трудносмываемое пятно в виде обвинения в том, что она конфискует ценности для внутреннего распределения между своими сотрудниками...

В конце вышеупомянутой статьи в журнале «Крокодил» высказана очень правильная мысль: пересмотреть порядок реализации конфискованного имущества.

От себя предлагаю следующее: реализацию конфискатов производить только через аукцион. В этом случае будут преследоваться в первую голову интересы государства, так как вся сумма от продажи пойдет в его бюджет и все покупатели, присутствующие на аукционе, будут находиться в равных условиях.

П. СОБОЛЕВСКИЙ,
г. Москва.

КУРСЫ ДЛЯ КОМАНДИРОВАННЫХ

Предлагаю открыть курсы по подготовке граждан для поездки в командировки. Подготовка должна носить всесторонний характер.

1. Обучение приемам борьбы самбо, дзюдо и др. Без этого в очереди за билетами на вокзале к кассе не пробиться.

2. Краткий театральный курс. Это на случай, если билетов в вокзальной кассе не досталось. Используя приемы артистизма, жалобным, дрожащим голосом и с подлинными слезами на глазах растопить душу дежурной королевы вокзала.

3. Альпинизм. Частенько в вагонах за неимением мест приходится спать на третьей полке. Забраться туда без определенных навыков трудно, особенно если вы в возрасте.

4. Уроки смекалки. Прибыв в город ночью, ты должен моментально сообразить, где пристроиться на ночлег, так как в гостиницах мест, как всегда, нет.

5. Курс легкой атлетики. Мало найти место для ночлега, например, скамью на вокзале, надо еще молниеносным броском занять ее раньше других.

Все это я испытал на себе и убедился, что данные уроки помогут не опуститься до положения бездомной собачки.

И. ДЬЯКОВ,
г. Снежное Донецкой области.

100 РУБЛЕЙ — В МУСОР?

Уже почти 25 лет я занимаюсь кинолюбительством... Снял за это время десятки фильмов (на 8-миллиметровой пленке). Собралось у меня 400 катушек из-под кинопленки. Это ровно на 100 рублей. Катушки мне не нужны, и их нигде не принимают. Просил шосткинское производственное объединение «Свема» принять их у меня, но там отказали. Конечно, 400 катушек — это мелочь, и 100 рублей — небольшие деньги, но мне жалко их выбрасывать в мусор. Неужели «Свеме» нельзя организовать прием катушек в обмен на кинопленку, которой сейчас почему-то в магазинах совсем не стало?

М. СОКУЛЬСКИЙ,
г. Лутугино
Ворошиловградской области.

В. ПОЛУХИН.

ПО ТОМУ ЖЕ ПОВОДУ

ДВА ВОПРОСА «МОСГОРТОРГУ»

Можете меня поздравить: я выиграл кухонный гарнитур «Варна». Импортного происхождения.

Нет, я выиграл его не в лотерею. Кухонный набор — один-единственный — выделил нам на всю редакцию Московский горком профсоюза работников культуры, и, представляете, он мне достался. Вот счастье-то!

Впрочем, боюсь выглядеть эгоистом, прервусь на минуту, чтобы вспомнить об одной недавней публикации (№ 16, 1989 г.). Фельетон А. Павловой назывался «Два номинала». Ровно столько запросил с автора фельетона некий торговый «жучок» в одном из столичных магазинов за мебельную стенку. Дальше в фельетоне подвергался критике странный порядок распределения мебели, весьма далекий от социальной справедливости.

В установленные сроки поступил из объединения «Мосгорторг» официальный ответ за подписью заместителя начальника В. И. Федорченко.

Он с грустью сообщает, что «спрос населения г. Москвы на мебель ежегодно растет, в связи с чем увеличивается и заявка объединения... В то же время потребность в мебели ежегодно не удовлетворяется. На 1989 год она обеспечена всего на 70%». Не улучшится положение и в 1990 году, пишет т. Федорченко.

Как говорится, мерси за информацию и за прогноз. Но что же собирается в этой ситуации делать Московский Совет?

«Учитывая сложившуюся ситуацию с ресурсами по мебели,— информирует дальше замнач объединения,— исполком Моссовета и МГСПС приняли решение все гарнитуры распределять с целью максимального удовлетворения потребности именно жителей г. Москвы. При распределении приняты во внимание все категории населения — работающие, инвалиды и участники Великой Отечественной войны, инвалиды и участники боев в Афганистане; граждане, имеющие средства в иностранной валюте; УПДК, пенсионеры, инвалиды детства и труда; трудящиеся, не имеющие профсоюзных организаций. Данный порядок широко обсуждался в трудовых коллективах, и были высказаны пожелания продолжить такой порядок продажи мебели и в 1990 году».

Именно этот с позволения сказать «порядок» мы и критиковали со страниц журнала. Интересно, учитывает ли Моссовет мнение средств массовой информации — ведь никаких убедительных аргументов ЗА этот «порядок» в официальном ответе не приведено. Кроме того, в нашем редакционном коллективе данный «порядок» не обсуждался ни широко, ни узко. Где же он обсуждался?

Я позвонил в тот самый горком профсоюза, милостью которого был выделен нам кухонный гарнитур.

— Мы не знаем, где и кто его обсуждал,— ответила сотрудница, ведающая распределением мебели.— Мы таких сведений не собирали.

А ведь горком профсоюза объединяет ВСЕ коллективы редакций, театров, киностудий, домов культуры и прочих культурных организаций. Это тысячи и тысячи членов профсоюза...

Да, так вот, заканчиваю историю с моей «Варной». Когда жена поехала в мебельный магазин, чтобы поинтересоваться, когда и как можно данный гарнитур оплатить, к ней подошел работник магазина и предложил купить такой же гарнитур за... два номинала.

В связи с чем у меня возникли еще два вопроса к Моссовету, МГСПС и «Мосгорторгу»:

1) Откуда берутся у «жучков» из магазинов мебельные гарнитуры и как последние выпадают из столь четкой системы распределения?

2) Если мебель предназначена «для максимального удовлетворения» москвичей, то почему Мострансагентство и два специально созданных кооператива отправляют мебель из Москвы в другие города и веси?

Юрий БОРИН.

ВИЛЫ В БОК!

ПЕРЕСТРОЙКУ — В ЧЕТЫРЕ ГОДА!

Давайте, товарищи, взглянем на себя критически. Не слишком ли глобальничаем? Как моряки, рвем тельняшки на митингах. Защищаем Байкал и Арал. Голосуем за Ельцина. Останавливаем поворот северных рек. Не даем рыть канал Волга — Чограй. Шагаем «маршами мира» по всей Европе и чешем в Канаду на лыжах через Северный полюс.

Наша гражданская активность жаждет масштабности, всеобщности и всеохватности. И так порой увлекаемся, что своему ребенку забываем сопли вытереть. Или там старушку через дорогу перевести. Что старушка! Разве это размах?! На родной усадьбе забор поправить руки не доходят. Некогда пустяками заниматься, когда перестройку всей страны затеяли!

А вот дорожный мастер из «Курскдорспецстроя» В. А. Климов глобальничать не любил. Нет, он, конечно, сочувствовал далеким Байкалу и Аралу, но как-то больше думал о порядке и процветании родной курской земли. И даже не всей области, а городка с поэтическим названием Обоянь. Такой вот странный человек мастер Климов: в Эфиопии засуха, а ему — чтобы в Обояни был порядок...

Долго ли коротко ли, но когда апрельские ветры перемен потревожили беспечных курских соловьев, вышел мастер Климов за околицу Обояни и увидел странные кирпичные объекты, прорастающие веселым лесом. Собственно говоря, объекты эти Климов видел по крайней мере 20 лет, но тут уж у мастера, видно, терпение лопнуло. Взял он фотоаппарат, нащелкал карточек и отправил их в народный контроль Союза и к нам в редакцию. По осени пришел мастеру Климову ответ за подписью председателя областного комитета НК Ф. Будянского: «По поручению редакции журнала «Крокодил» и Комитета НК СССР областным комитетом народного контроля проверены факты, изложенные в Ваших письмах. Строительство указанных на фотографиях объектов начато в 1966 году, но по ряду объективных причин было законсервировано, и недостроенные объекты в 1975 году по решению облисполкома были переданы объединению молочной промышленности... В настоящее время объединением молочной промышленности принято решение в 1986 году достроить эти объекты и разместить в них цех заменителя цельного молока. Строительство цеха будет взято органами НК под контроль...»

Другой бы на месте мастера Климова успокоился и доверился бы народным контролерам или по крайней мере писал бы письма в защиту далекого Байкала. Но Климов радел за милую сердцу Обоянь и в 87-м году поинтересовался у председателя РАПО А. Н. Лактионова судьбой вышеназванных объектов. И получил заверения, что в 88-м году то ли зверосовхоз, то ли маслозавод засучат рукава и все достроят...

И вот мы с вами отстояли Байкал, добились отмены поворота северных рек, канал этот самый задробили. Короче говоря, хорошо поработали. А мастер Климов никакой славы не сыскал и ничего не добился, потому что мешает областным и районным властям заниматься делами глобального масштаба, так сказать, завершением перестройки в четыре года. И остается нам, дорогие товарищи, порадоваться, что не оскудела курская земля руководителями большого размаха. Живут они не местническими интересами, а болями всего земного шара и не хотят размениваться на мелочи областного или районного масштаба. Подумаешь, какой-то крошечный цех строится 24 года! Надо видеть дальше собственного носа!

А товарища Климова пора вывести на светлую и широкую дорогу глобальности. Пусть плюнет он на родную Обоянь и побыстрей включается в установление прочных контактов между Чукоткой и Аляской.

М. ГРИГОРЬЕВ.

ЗОЛОТАЯ БРОШЮРА

Всештатно остолбенела Смоленская дирекция внутрихозяйственных дорог, когда балашихинский «СоюздорНИИ» вдруг предъявил ей счет на шесть тысяч рублей.

— Такие деньги на дороге не валяются! — обретя дар речи, заартачились смоленцы.— За что оброк? Не припомним, чтобы институт протоптал хоть тропку в какой-нибудь смоленский колхоз.

— Справочник «Региональной нормы» заказывали? — невозмутимо спрашивает «СоюздорНИИ».

Смоленские дорожники припомнили: действительно, был уговор на присылку тридцати брошюрок.

— В таком случае почему шарахаетесь от счета, как от незнакомых дорожных знаков?! — окрепли голосом балашихинцы.— Стыдно!

Смоленцы прикусили языки и затрещали арифмометром.

«Каждая тощая брошюрка нам влетела в 200 рубликов! Не дороговато ли? Золотого тиснения не просматривается,— написала в «Крокодил» инженер ПТО Г. Иванушкина.— Раньше точно за такую же книжицу мы платили институту 2 рубля 12 копеек».

Крокодил позвонил в «СоюздорНИИ», мол, не оценили ли вы сверх нормы свои «Региональные нормы»? Или причисляете свою брошюру к золотому фонду мировой литературы?

— Удивляться надо лишь тому, что институт мало взыскал,— решительно парировал заместитель директора В. Юмашев.— Услуги не могли не вздорожать, после того как мы перешли на внутрихозяйственный расчет и самофинансирование. Не по карману — не берите!

Крокодил поспешно положил трубку. Вдруг Владислав Михайлович оценит по своим меркам золотые минуты, потраченные на разговор, и пришлет счет на издательство в пятизначных цифрах!

Н. ТИМОФЕЕВ.

ОТЕЛЬ «ШВЕДСКАЯ СТЕНКА»

Недавно в военкомат Советского района, что находится в с. Советском ЧИ АССР, пришли сотрудники учреждения с непроизносимым названием — ДЮСШ. Что, как известно, обозначает детско-юношескую спортивную школу.

— А ну-ка, дяденьки военные, потеснитесь. Вот в этом зале мы произведем соревнования по боксу... А этот кабинет послужит полем битвы для настольного тенниса...

Работники военкомата буквально онемели от гнева и изумления. А мы тут же признаемся, что вышеприведенную сцену мы выдумали.— Все как раз наоборот. Это военкомат периодически оккупирует помещения вышеназванной ДЮСШ. Проводит там сборы, размещает призывников, а также проводит другие важные для Отечества военно-полевые мероприятия.

И тогда руководители спортшколы пришли в Советский райисполком и сказали:

— А вот, подвиньтесь чуток, дяденьки советские работники. В этом вашем зале мы проведем...

Нет, конечно! И этой сцены не было. Тут тоже все шиворот-навыворот. Ведь именно с ведома райисполкома военкомат постоянно берет штурмом школу. Да и сам РИК далеко от дядей из военкомата не ушел. Советский орган, когда в ДЮСШ не проводится военных действий, использует школу... как гостиницу для приезжающих советских, комсомольских, профсоюзных и прочих работников...

Интересная, прямо скажем, инициатива. Сколько проблем решается одним бравым, почти кавалерийским наскоком! И вообще жаль, что злосчастная ДЮСШ находится далеко, скажем, от той же столицы нашей Родины с ее хронической недостачей гостиничных койко-мест. То-то было бы драгоценное подспорье...

Вл. МИТИН.

Валерий ДЕКОВ, специальный корреспондент Крокодила

ЗАПИСКИ ИЗ МЕРЗЛОГО ДОМА

А знаете, в чем я недавно убедился? В том, что любой из работников нашего гостиничного хозяйства запросто ответит на сложнейший вопрос: «Почему в отелях наших пахнет всем, чем угодно, только не комфортом?» Вот конкретно. Интересуюсь у дежурной по этажу пермской гостиницы «Прикамье»:

— Что у вас тут, так принято — лицо, ноги и нескромные части тела одним и тем же полотенцем вытирать?

А она мне наизусть:

— В номерах третьей категории и ниже два полотенца не положены. Вот пипифакс положен. Но его нет.

— А настольная лампа,— продолжал я,— чтобы написать куда следует все, что я по этому поводу думаю, у вас есть?

— Есть, но у вас в номере не положена. Ее заменяет прикроватное бра. Так что пишите себе на здоровье, лежа в кровати.

— А графин с водой — охладить пылающую гневом душу — положен?

— Нет. В тех гостиницах, где вода из-под крана соответствует ГОСТу, положен только стакан.

Не верите? Тогда прочтите Приложение к приказу Минжилкоммунхоза РСФСР № 513 от 31.10.82 г. и убедитесь, что все делается, как положено, по инструкции.

— Мы про это приложение слышали,— воскликнули дружно в беседе со мной начальник главка жилищно-гостиничного хозяйства названного министерства В. Николаев и начальник отдела гостиничного хозяйства В. Пашистов.— Только,— добавили они радостно,— никакого отношения к нему не имеем, так как оно наследие проклятого прошлого. А мы новые, на гостиницах не сидели, у нас все впереди.

И давай мне синхронно с полным знанием дела рисовать светлое будущее для командированных по части гостиниц, вздыхая при этом, что мало их, кто гостиницами занимается, осталось — всего трое, а задачи — одна другой грандиознее.

Они говорили, а у меня в голове между тем мысль вызревала. Долгонько же нам ждать придется, пока обескровленные перестройкой коммунхозовцы, в руководимых ими отелях создадут нам условия для нормального отдыха. Они ведь, думалось мне, и в лучшие для себя годы — в не сокращенном составе — смогли родить лишь повышение платы за проживание, оставив все как было: неухоженность номеров, разбитую мебель, примитивные услуги, барски-пренебрежительных администраторов, тараканов — то, что делает гостиницу не гостиницей, а ночлежкой. Да еще приказы с приложениями вроде 513-го, от которых у командированных или иных поселенцев отелей нервный зуд приключается.

— Все себе сами достаем: и сантехнику, и мебель, и краску. Как говорится, с миру по нитке — голому рубашка. (Директор Читинского гостиничного объединения Г. Хилькевич.)

— Министерство самоустранилось по хозрасчетным делам. Все самим до мелочей тут изобретать приходится. (Начальник планового отдела бывшего управления высотных домов и гостиниц Мосгорисполкома В. Дьяконов.)

Так, может быть, стоит отказаться от такого бесполезного централизованного руководства и броситься в объятия местных властей, тем более что те, по праву двойного подчинения, и так у себя отелями командуют.

— Э, нет! — воскликнула со знанием дела начальник отдела размещения того же мосгорисполкомовского управления В. Мартынова.— Они тогда нам лишь свой собственный контингент поселять разрешат. А так мы все же защищены министерским постановлением об обязательном выделении в гостиницах 30% мест из всего количества под свободное заселение без предварительных заявок. Хотя, если честно, распоряжение это — больше на бумаге.

Что верно, то верно. Местное начальство мало волнуют возможности гостиниц: ему нужны места для участников конференций, пленумов, совещаний — оно их и берет, подчас абсолютно не считаясь с нуждами постояльцев, выбрасывая их просто-напросто на улицу. Вот и вашего корреспондента под таким предлогом пытались выселить из биробиджанской гостиницы «Восток», да поостереглись крокодильского удостоверения.

А знаете, сколько на местах разных совещаний происходит? Сумасшедшее количество. В том же Биробиджане — городке по нынешним меркам районного масштаба — только в октябре — ноябре прошлого года, судя по заявкам, гостиница (а она и ее филиал — единственные в городе) обеспечивала жильем участников 21 (!) областного мероприятия самого различного свойства, выделив для этого, по моим подсчетам, 2284 сутко-места. Не изменилось положение и в году нынешнем. А в ней, в этой самой гостинице, вместе с филиалом, всего 242 места набирается, из которых 61 изначально забронировано местным руководством. Подсчитали, сколько простому смертному, который без заявки, от этих мест остается? Правильно, фига. Хорошо, если она по милости администратора на ночь раскладушкой в холле обочивается.

Как видите, служители отелей наших голосуют за министерство. В случае чего есть на кого кивнуть, да и просто в жилетку поплакаться, если уж очень припечет от местных «супостатов».

Однако нам-то, командированным или, что еще хуже, самодеятельным туристам, как быть? Ведь от признания нужности министерства мест в гостиницах не прибавится.

— Будущее,— развивал мне свою мысль на той встрече в министерстве В. Николаев,— нам видится и в развитой материальной базе, и в новых формах работы, к примеру, в арендном подряде и в сети гостиничных кооперативов. Только вот в этом деле нам местные власти сильно мешают, не хотят они идти в ногу со временем.

Да уж, как тут не посочувствовать сетованиям Владимира Борисовича, если, несмотря на все усилия его и руководимой им команды, на аренду в республике перешли всего три (!) небольшие подмосковные гостинички в Озерах, Подольске и в Серпухове.

— Им там хорошо планы строить из своего столичного далека,— возразил начальник управления жилищно-коммунального хозяйства облисполкома Еврейской АО Р. Ледер.— Да нам, если передадим «Восток» в аренду, ни одного мало-мальски приличного совещания не провести. Кто из арендаторов нам сразу сотню мест отвалит, чтобы потом, когда его участники по домам разъедутся, их неделю целую заселять? Он ведь от прибыли живет. У него ни одна койка ни полсуток не должна пустой гулять. Мест двадцать — двадцать пять он, может быть, и выделит, а больше ни-ни. Что он дурак себе в убыток работать? Так что, не обессудьте, на аренду мы при существующем дефиците мест не пойдем. Построим новую гостиницу, тогда и поглядим. Вот кооператив гостиничный мы приветствуем.

Мы это дело тоже приветствуем. Только у нас есть одно небольшое предложение. Поскольку в гостиничных кооперативах (они уже есть) цены кусаются, аки псы цепные: ночка темная от 8 до 10 рубликов обходится и не в отдельном номере, а на отдельной кровати,— постольку пусть в них проживают лица, отвечающие за развитие отечественного гостиничного хозяйства. Нам же, простым смертным госслужащим, желательны цены умеренные, укладывающиеся в графу — расходы на проживание и элементарные удобства. А посему мы просим руководящих товарищей не отворачиваться от аренды, да еще под таким лукавым предлогом.

Не стану обелять Минжилкоммунхоз и его славную роль в многолетнем прогрессе нашего гостиничного сервиса. Она очевидна. А поэтому спешу сообщить: не верьте злонамеренным слухам о том, будто к нам из-за границ отдельные бизнесмены погостить за опытом собираются. Если они и собираются, то поглядеть, как не надо дело вести. Но похоже, что в истории с гостиничной арендой главным тормозом — да, да, не удивляйтесь — выступает не ведомство (все же их стараниями три отеля на аренду перешли и вроде бы еще с десяток на нее собираются), а местные власти. А что! Куда приятней иметь в подчинении гостиницу, прибылью которой можешь распоряжаться, словно деньгами из собственного кошелька, чем сплоченный арендный коллектив, работать с которым приходится на строго договорных началах.

Вот, к примеру, какую загадку загадали мне в г. Черкесске работники тамошней гостиницы с оригинальным названием «Черкесск». Если, говорили они, гостиница прибыльна, а что-то в городском хозяйстве убыточно, как поступают отцы города?

Думается, что и вы вместе со мной быстренько нашли ответ: уравнивают, то есть для торжества социальной справедливости забирают у одного, чтобы покрыть убытки другого. Свыше 120 тысяч, львиная доля из всей пупком выстраданной за прошлый год прибыли «Черкесска», благополучно перекочевали на счета троллейбусников и работников службы теплосетей города.

Нет, определенно надо посочувствовать В. Николаеву и В. Пашистову в их сетованиях на местный консерватизм. Посочувствовать и во весь голос заявить, что все мы, командированные, организованные и неорганизованные туристы, просто приехавшие по своим личным делам в другой город, двумя руками голосуем за аренду. И не надо пугать нас тем, что нельзя будет проводить совещаний: арендаторы — люди предприимчивые и, будьте уверены, всегда отыщут для себя массу возможностей сработать прибыльно. Не надо, потому что за ссылкой на эту и другие похожие причины яснее ясного видится нежелание идти в ногу со временем, стремление всеми силами сохранить любезный сердцу, привычный, удобный для властей предержащих стиль жизни с его обязательными двумя сторонами: уравниловкой в экономике и командно-приказными методами управления ею.

Аренда, нет сомнения, принесет много хорошего. При ней исчезнут лишенные всякого здравого смысла инструкции, а администрация будет руководствоваться только нуждами жителей гостиниц. При аренде основной доход гостиницы будут получать не с койко-места, как у нас сейчас, а как во всем мире — с набора самых разнообразных услуг проживающим. Только при аренде наконец у самих хозяев гостиниц (именно потому, что они хозяева) и мысли не возникнет поселять людей зимой в номера с незаделанными окнами, как это сделали с вашим корреспондентом в гостинице «Прикамье», где он, стуча зубами от холода, и написал эти заметки.

Пермь — Биробиджан — Черкесск — Москва.

МИМОХОДОМ

Погоду делает тот, кто не слушает прогноз.

Самая тяжелая обида переносится легче, если проглотить ее вместе с обидчиком.

На тело, погруженное в сорокаградусную жидкость, никакие законы не действуют.

Борис КРУТИЕР, г. Москва.

Цены, как дети: растут незаметно, но быстро.

Алексей МУТОВИН, г. Свердловск.

Интересно, сколько бумаги мы теряем на производстве колбасы?

Геннадий КОСТОВЕЦКИЙ, Олег ПОПОВ, г. Киев.

Чем выше поднимался по служебной лестнице, тем легче было плевать в потолок.

Нередко выходом из положения служит выход на пенсию.

Леонид ЗАБАРА, Сумская область.

Что остается в человеке, когда из него выходит толк?

Иван ИВАНЮК, г. Москва.

Выборы носили выборочный характер.

Александр ПЕРЛЮК, г. Кировоград.

А. УМЯРОВ. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

В. ЛУГОВКИН.

И. НОВИКОВ, Ю. СТЕПАНОВ (тема).

А. НИКОЛАЕВ.

В. МОЧАЛОВ, В. ЛУГОВКИН (тема).

ФЕРМЕР НА ФОНЕ БЮРОКРАТИЗМА

Не знаю, как вы, а я за фермеров. А что бояться этого слова? Так и видится заманчивая картина: стоит он, наш советский фермер, на фоне двухэтажной виллы и магазина, прилавки которого ломятся от изобилия.

— Но ведь,— скажет читатель,— у нас уже есть арендаторы, а это одно и то же.

Да нет, не совсем. Есть между ними маленькое отличие. А именно: наши арендаторы имеют счастье работать в условиях внутрихозяйственной аренды. В союзе, так сказать, со своим родным колхозом или совхозом.

Поразительно, но многие из арендаторов черной неблагодарностью платят своим благодетелям-союзникам, проявляют мелкогрупповой эгоизм и чудовищную любовь к деньгам.

Представьте себе бригаду З. С. Янакаева из подмосковного совхоза «Красный луч», которая взяла в аренду ферму по откорму бычков. Эта бригада захотела вдруг сама продавать свою сверхплановую продукцию и для этого создать собственную... шашлычную! Каковы пройдохи?

К счастью, совхоз бдительно стоит на страже своих интересов. Он предусмотрительно внес в договор об аренде пункт, который гласит: «Все взаиморасчеты по реализации продукции, независимо от каналов реализации, осуществлять через совхоз, давать ему отчет о всех видах доходов». Так что мечты о шашлычной — тю-тю...

В своем бескорыстном дружелюбии хозяйствам приходится порой наталкиваться на оголтелое сопротивление самих арендаторов. Пятеро опытных механизаторов, умеющих хорошо возделывать кукурузу, из подмосковного убыточного совхоза «Фряновский» решили взять в аренду 400 гектаров поля, чтобы выращивать на нем эту культуру. Но почему эти вероломные механизаторы не хотят выполнять абсолютно естественного требования совхоза — взять в свою бригаду совхозного бригадира? Долго и терпеливо руководители совхоза объясняли упрямцам, что, не зная агротехники, те загубят все 400 га и совхоз останется без кормов. А арендаторы, знаете, до чего договорились? Нам, говорят, невыгодно содержать лишнего человека только для руководства. Ежели, говорят, бригадир будет работать с нами в поле, возьмем его, а нет, так нам и своих знаний хватит... И что вы думаете? Пришлось взять!

Многие считают, что, заключая договор с арендатором, хозяйство печется только о своих интересах. Наоборот! К примеру, той же бригаде З. С. Янакаева совхоз отдал старый трактор МТЗ-80 в аренду всего лишь за 40 рублей в день. Стало быть, за год арендаторы заплатят каких-нибудь 10 000 рублей. Правда, этот трактор стоит 2000 рублей, ну да кто обращает внимание на такие мелочи...

Короче говоря, не ценят арендаторы создаваемых им условий.

— Внутрихозяйственная аренда не делает крестьянина полноправным хозяином,— заявил мне З. С. Янакаев.— Указ об аренде — хороший указ. Плохо другое — проведение Указа в жизнь оказалось в руках тех, кому аренда ни к чему: руководителей хозяйств. На что им аренда, если она урезает их права? Ведь и земля, и техника, и семена, и корма, и удобрения в их руках. А у нас, арендаторов, в руках только миска для подаяний. Естественно, что многие из этих руководителей пользуются нашим безвыходным положением. Они часто «забывают» обеспечить арендаторов даже самым необходимым — сырьем, техникой, запчастями, горючим. А все свои усилия направляют на то, чтобы извлечь из аренды максимальную выгоду для себя. Делается это очень просто: поднимаются цены на сырье, корма и т. п. Существующее законодательство предоставляет хозяйствам много возможностей для такого грабежа. Подобными способами многие арендаторы были обобраны до нитки и, работая от зари до зари, стали должниками своих арендодателей. Разве это аренда? Настоящая аренда была бы в том случае, если бы я не зависел от совхоза. Сам построил бы себе ферму, купил оборудование, технику, сам заготовлял бы для себя корма, выращивал молодняк, имел бы лицевой счет в банке...

— Что же вам мешает, дорогой? — спросил я его.— Хотите быть независимым — будьте. Неужели я должен объяснить вам, как надо действовать? Хорошо, давайте вместе подумаем. Что вам нужно для начала? Несомненно — энергичные и знающие люди. Да, я знаю, что энергичные люди живут сейчас в основном в городах: протирают локти в НИИ, торгуют пирожками на улицах, занимаются рэкетом... Впрочем, что тут говорить. У вас же есть 16 человек, их и возьмем. Потом нужна земля. Много?

— Гектаров 150,— подумав, ответил Янакаев.

— Нет проблем. Страна у нас большая, власть советская. Если колхозы откажут, то местные Советы землю вам найдут. Дальше вам, наверно, понадобятся деньги. Сколько?

— Полмиллиона.

— Ну и аппетит же у вас, товарищ Янакаев. Ладно, представим, что банк дал ссуду 500 тысяч рублей.

— Трудновато представить. Воображение уже на исходе.

— Надо постараться. Остались сущие пустяки.

— Боюсь, что как раз эти пустяки будут нам не по плечу,— печально возразил Янакаев.

— Какой вы, право, пессимист. Ну что вам нужно еще?

— Даже если все это у нас будет, мы не сможем построить ферму, потому что не купим ни материалов, ни техники. Потому что у нас нет оптовой торговли. Все распределяется по фондам, которые строго лимитированы. Угадайте, что я смогу выбить для себя из этих скудных лимитов, когда за них идет драка между совхозами и колхозами, имеющими армию толкачей?

— Что поделаешь, товарищ Янакаев, дефицит! Но ведь вы же знаете, что система фондового распределения — самое лучшее средство борьбы с дефицитом. Эта прекрасная система вот уже сколько лет помогает нам бороться. Мы боремся, боремся...

— Мы боремся, а техника, которая в дефиците и нужна всем, ржавеет в хозяйствах. Потому что эти самые хозяйства нахватали лишнюю на так называемый черный день. Но почему бы не нахватать, если государство наше с радостью давало колхозам и совхозам ссуды на приобретение техники, а потом эти ссуды по доброте сердечной списывало. Так что техника доставалась всем — и рачительным хозяевам, и разгильдяям. А того, что надо арендаторам, заводы не выпускают...

Да, подумал я, сегодня все шумят об аренде, в газетах толкуют, как ее применять да каковы ее дальнейшие перспективы, а аренда, как тот упрямый конь — ни тпру, ни ну. И что интересно: ведь торможение идет не только на уровне трижды заклейменных министерств и ведомств, но и на уровне самой что ни на есть глубинки — руководителей хозяйств, бригадиров, колхозных бухгалтеров да счетоводов, нормировщиков да учетчиков. К примеру, в одном лишь подмосковном колхозе «Память Ильича» 83 человека только управленцев. И у каждого еще семья. Спрашивается, куда они денутся, когда к власти придут арендаторы?

А вы говорите, фермеры!..

Дмитрий СЕМЕНИК.
Московская область.

В. АЛЕКСЕЕВ.

Евгений Верфин

СТИХИ О НИЗКОЙ УСПЕВАЕМОСТИ

Успеваемость очень низкая!
А с отличьем диплом имел...
Чем с утра занимаюсь?
Списком
Первоочередных дел.

Дух? Материя? Что первично?
Вечный выбор: на что чихать?
На общественное? На личное?
На «увидеть»? На «прочитать»?
Вон в квартире опять Памир:
«Огонек», «Новый мир»,
«Знамя», «Юность», газет гектары,
Книги — скоро раздавят стол!
А Платонов не читан!
«Пара»!
А Набоков не начат!
«Кол»!
Сколько гениев-то! Орава!
И таланты — куда ни ткнись!
Я читаю
слева направо,
Время требует:
сверху вниз!

Нету навыков, не готовы.
Информационный шок!

Как по карточке продуктовой
Прежде скуден был наш паек:
От баланды отца-корифея
Поразила мозги атрофия,
От диеты Лжеильича —
Что-то вроде паралича.
Иждивенцы. Ленивы. Пассивны.
Виноватых искать да поругивать...

Если честно,
кому
это время — под силу?
Поднимите, пожалуйста, руки!

Вам,
директор, с докладом бойким?
А аренда? А хозрасчет?
Не внедрили?
Ну, значит, двойка!
На второй год!

Вам, законники? Вам, юристы?
Мы не слышим из ваших уст,
Что былое
не повторится.
Отсидите повторный курс!

Вам,
заведующий, на свалку
Весь отправивший урожай?
Вас еще не прогнали палкой?
Вы же двоечник и лентяй!

Вам, меняющие местами
Волгу,
Обь?
Вы — задолжники! Вы — с «хвостами»!
Вы — по принципу: «хоть потоп»!

Что ж насилием упиваются
Эти орды хулиганья?
Ваши табели успеваемости
Покажите,
учителя!

Словом, слабо: «колы» да «пары»!
Успеваемость не на ять.
Беспартийный! Ни дня без парты!
И партийный —
за парту сядь!
Кто — «на осень»?
Уже деревья
В профиль желтые и анфас...

Перехода
на зимнее время
Жду с надеждою:
лишний час!

ТРАКТАТ О ВЕРЕ

Всему поверю! Не смутить
Ничем меня! Сомненье гложет
Пусть тех, которые моложе!
Пусть вылезают вон из кожи,
Твердя: «Такого быть не может!»
А я скажу: «Все может быть!»

Я верю, верю без труда
И в телепатов, и в субъектов
Из «неопознанных объектов»,
И в экстрасенсные эффекты,
И в то, что из ученых некто
Интервьюировал Христа.

Не удивляюсь я, что вор —
Один из тех, кто ездил в «Чайке»,
И что диагноз без утайки
Откроет врач, но прежде — дай-ка!,
И что главарь бандитской шайки —
Не кто иной, как прокурор.

И то, что с трупом чемодан
Был найден в камере храненья,
Не вызывает удивленья,
Но лишь упрочивает мненье,
Что безгранично озверенье,
Насилье, варварство, обман!

Спешите все меня винить:
Во мне полно чертополоха!
Я легковерен — ах, как плохо!
Дремуч, как раб царя Гороха!
Но я ль виновен, что эпоха
Внушала мне: «Все может быть!»

Какой тиран каких времен
Свести сумел бы к миллионам
Итог замученным, казненным,
В тюремных камерах сгноенным,
В концлагерях, в печах сожженным?!
Тимур? Калигула? Нерон?

Что завтра ожидает нас?
В каком затменье паранойи
Обуреваемый враждою
Придумать мир сумел такое,
Что на планете все живое
Убить могло б десятки раз?

Кто б это мог вообразить?
Кто умирал не первой смертью?!
Кто из умов былых столетий
Поверить смог бы фактам этим?!
Вот потому-то, им — свидетель,
Я говорю: «Все может быть!»

1982.

ЗАПОВЕДЬ МЕРТВОГО ВРЕМЕНИ

Все равно, автобус ли, трамвай,—
Заповедь святую соблюдай,
Помни золотые письмена:
«Не высовывайся из окна!»
Встречный транспорт, воздуха волна...
«Не высовывайся из окна!»
Что бы ни стряслось — твоя вина:
«Не высовывайся из окна!»
И вообще, чтоб не пришла беда,—
Не высовывайся никогда!
Только-только высунешься чуть,
Тут же угодишь куда-нибудь,
Ляпнешь невпопад — и на виду,
Возразишь — и на плохом счету,
Заступаться станешь за кого —
Обвинят тебя же самого!
Не высовывайся — из толпы,
Из страны, из мыслей, из судьбы!
Кто предугадает оборот
Жизни — через день и через год?
Дикие бывали времена...
«Не высовывайся из окна!»

1981.

ИГРАЕМ СТАЛИНИЗМ?!

Несколько фильмов на модную тему

Не помню, кто, но кто-то из молодых критиков, на мой взгляд, очень точно и остроумно определил, что такое сегодня модный фильм. Это когда голая девица сидит перед портретом Сталина и курит марихуану. Ну, предположим, находятся пока отдельные и очень смелые художники, которые, рискуя своей репутацией, не раздевают актрис перед камерой, хотя явно остаются при этом в подавляющем — и далеко не кассовом — меньшинстве. Ну допустим даже, что они совершат отчаянный жест и не изберут своими героями ни интердевочек, ни рокеров, ни наркоманов. Все равно без тени усатого генералиссимуса, которая теперь покрывает всю новую отечественную историю, им не обойтись. И в конце концов не важно, про что фильм — про любовь или про войну, главное, чтобы «актуальный и модный» подтекст был. Раньше кого во всех несчастьях винили? Злодеев, судьбу, обстоятельства. Еще раньше — врагов народа, «убийц в белых халатах». А теперь? Естественно, сталинизм во всем виноват.

Вот снимает режиссер К. Камалова по сценарию Р. Ибрагимбекова на «Узбекфильме» эдакое ностальгическое ретро про первые послевоенные годы. «Дикарь» называется. И всё, как и положено в ретро-фильме. И небо голубое-голубое. И среднеазиатский городок чистенький-пречистенький. И персонажи все как на подбор в аккуратненьких, отутюженных беленьких рубашечках или голубеньких платьицах. И во Дворце культуры самодеятельность репетирует не иначе как «Свежее дыхание» Бунина, а уж костюмам может позавидовать опера «Евгиний Онегин» в постановке Большого театра. Ну, и герой соответственно — молодой, красивый, мужественный, но застенчивый донельзя (в обморок при виде любимой девушки весьма натурально падает). Да, чуть не забыл — барашка беленького он дома держит и никак съесть не решается. И героиня ему под стать — целомудренная на диво: если и является герою обнаженной, то исключительно во снах. Так бы и любили они друг друга на радость слезообильным зрителям, да сталинизм помешал. В виде начальника в белоснежном кителе (ретро ведь), который оскорбил сестру героя. А тот ему пощечину (прямо как на балу в дворянском собрании). А подручные начальника — героя в «воронок». И в финале через много лет, естественно, изящно небритый герой в изящно подогнанном «зэковском» ватнике окидывает элегическим взглядом разоренное семейное гнездо. Вот они, жестокие сталинские репрессии!

Или другой вариант. Писатель В. Катаев в свое время написал рассказ «Отче наш». Вполне конкретный рассказ о трагической судьбе молодой еврейской женщины, которая мечется по оккупированному фашистами городу, безуспешно пытаясь спасти себя и ребенка от гетто и газовых камер. В наше время режиссер, он же автор сценария, Б. Ермолаев поставил по этому расказу на «Мосфильме» одноименный фильм. В котором тоже есть — и обледенелый, замерший от ужаса город, и мечущаяся по разным адресам героиня, и расстрелы, и аресты, а сверх того голос за кадром, который читает Апокалипсис. Единственное, чего нет на экране, самих фашистских оккупантов. А есть некие условные, зловещие фигуры, правда, почему-то с немецкими автоматами. «Почему-то», ибо картина снята так, что у самого неискушенного зрителя не возникает ни малейшего сомнения ни на счет времени действия, ни на счет происхождения этих темных сил. Он так и пребывает в уверенности, что перед ним 37-й год, а эти с автоматами — энкавэдэшники. Короче, и тут режиссер не упустил возможности коснуться «модной» ныне тематики...

Еще одна «Западня» (так называется этот молдавский фильм), устраивается авторами — сценарист А. Бусуйок и режиссер Б. Конунов — своим героям, а заодно и зрителям. Инженер интеллигентного вида в самый канун войны перелетает на самолете из боярской Румынии в советскую Бессарабию и... Правильно. С ходу попадает в застенки НКВД, где получает по зубам и много лет Сибири как румынский шпион. Освобождение приходит с немецкими самолетами, разбомбившими эшелон с заключенными. После чего герой поселяется в родовом поместье, где стойко переносит с женой все ужасы военного времени в виде немецкого солдата, помочившегося у него во дворе. А тут Красная Армия наступает, а зловредный поп уговаривает его бежать вслед за отступающими от большевиков немцами в Румынию. И герой по слабохарактерности, свойственной этой тонкой социальной прослойке, бежит. Но немцы и их союзники — румынские солдаты — тоже не сахар. Кого-то из его спутников насилуют, остальных расстреливают (не пощадив и любимую собаку), лошадей отбирают. Так и стоит герой в финале на распутье, а сзади уже освободители в лице красноармейца азиатского происхождения и зверского обличья: пожалте, снова в застенки... Одним словом, не фильм, а развернутая на две серии цитата из «Чапаева»: «белые придут — грабют, красные придут — грабют, ну, куда податься бедному хрестьянину» (в данном случае — интеллигенту).

Только поймите меня правильно. Да, сталинизм — наша общая боль, трагедия. История. Но зачем же разменивать их на очередную модную тему, зачем превращать в антураж и общее место? Нельзя играть в разоблачение сталинизма, иначе можно и проиграть в его разоблачении. А это недопустимо ни в жизни, ни на экране.

П. СМИРНОВ.

Николай САМОХВАЛОВ,
специальный
корреспондент
Крокодила

ВЗЯЛИ ЗА ВОРОТНИК

От мягкого золота трещали по швам пушные базы и холодильники. Впервые за всю историю страны пушное богатство оказалось никому не нужным.

А на магазинных прилавках лоснилась синтетика.

ЗВЕРИ, АУ!

Звери обидчивы. «Вокруг меха!» — острил два года назад Крокодил. А вот сегодня — сплошной смех. Пушнина махнула хвостиком. Нет пушнины. И без нее тяжко живется легкой промышленности. «Караул, нас взяли за воротник! — застрекотали швейники.— Под угрозой выполнение плана!»

Главный товаровед Иркутской пушной базы А. Комов не без гордости демонстрирует заморским туристам сибирское богатство, но, проводив их, вздыхает так, что шевелятся голубые песцы и чернобурки: «Разве ж это закрома?! Так, пушинка в море!»

Иркутская меховая фабрика вынуждена значительно сократить производство пушистых товаров — нет сырья. Рвут волосы на голове руководители московских и украинских мехфирм. Ленинградское объединение «Рот-Фронт» из-за нехватки сырья за год ужало производство на сорок миллионов рублей и, чтобы как-то сохранить отлаженный конвейер, готово гоняться за каждой тополиной пушинкой на Невском проспекте.

Почему резво убежали шкурки?

КУДА ВЕДУТ СЛЕДЫ

Накормив собак, Толя Ондатра вышел на охоту: искать сносное место работы. Известный в районе добытчик белки, выдры, ондатры (за что и получил неординарное прозвище), он решил поменять профессию. Не только потому, что его, классного охотника, госпромхозовское начальство заставляет шнырять по лесу с лукошком — собирать ягоды-грибы и заготавливать папоротник. Анатолий вроде смирил гордыню. Но его более всего унижает бесправие охотника. Двуногой лайкой гоняешься по лесу за белкой, верткой щукой ныряешь в омуты за ондатрой, а в благодарность что? Вознаграждение дробней дроби. За белку, к примеру, самая красная цена — трешка! И сдавай все до хвостика без замешки. Утаишь для себя шкурку — тут же ощерится клыками штраф. Следом — лишение права промысла, отчленение из охотобщества. А коли продал тому, кто оценил твой труд щедрее, можно и вообще схлопотать небо в клетку. Не лесной хозяин, а подневольник. И получается, охота впрямь пуще неволи.

Немало потомственных промысловиков без оглядки выбежало из леса.

ПРОТИВ ШЕРСТИ

Воистину торовата Сибирь: не в диковинку тут раскопать аборигена, который нос к носу сталкивался в магазине с волчьими дохами.

Но в богатой Сибири не найти человека, каковой бы помнил, что когда-нибудь от пушнины отворачивался заготовитель. А тут на́ тебе: пушные базы отстреливались от охотников. С рогатиной вставали против медвежатников и волчатников. Потому что меховые фабрики капризничали: подавай им модную дорогую норку. И только такую, которая выпестована в комфортных клеточных условиях — без покусов и помарок. Расцвела сплошная «норкомания». От дикой красавицы — рыжей лисицы отворачивались, как от драной кошки. Ленинградское объединение «Рот-Фронт» руками и ногами отбивалось от выдры, столичное объединение «Труд» не хотело знать колонка. А кировская фабрика «Белка» не подпускала близко к воротам эту самую белку-попрыгунью.

Как правило, руководство и райпотребсоюза, и госпромхоза особо не препятствует бегству. Меньше охотников — меньше мороки. Полный подсумок канители с ними: справь да подай спецодежду, добудь в канцелярском бою оружие, своевременно подкуй и снегоход «Буран». «А разве делают охотники план-погоду хозяйству? — разводит руками директор Усть-Удинского госпромхоза Г. Котляров (сейчас бывший).— Их всего-то три десятка из почти полутора сот работников предприятия».

Усть-Удинский госпромхоз объединения «Иркутскпромохота» в прошлом году дал продукции свыше чем на миллион. 287 тысяч — это пушнина в оптовых ценах. А без малого мильон — лесоматериалы: тарная дощечка, вагонка и т. п. Госпромхоз заложил фруктово-ягодный сад — с надеждой отстрелять в нем доходы от смородинового, малинового и облепихового варенья. Похожая картинка у других. Ату их, охотников! Пускай катятся на все четыре!

Где не догадываются уйти охотники сами, там их выживают всеми правдами и неправдами. Требуете сокращения аппарата? А вот есть охотники!

«В Вельском райпотребсоюзе из тридцати промысловиков сохранилось шесть,— делится с Крокодилом архангельский охотник И. Вольф.— А после последнего сокращения осталось всего два. В соседнем Устьянском районе — один».

Только за последние годы российская промысловая дружина поредела на 250 тысяч штыков.

Опечалился кто-то в верхах? А отчего? Охота у нас — смешно сказать! — не окупает пороха! Боевые госпромхозы Главохоты РСФСР за пять лет настреляли убытков пять миллионов рублей.

Потому дичает дикая пушнина. Белки, щелкая орешки, кидаются в охотников скорлупой. Суслики привольно свистят в степи, как соловьи-разбойники. Рыжие плутовки не то что лезут в сани к старику, смело заходят в сени.

С МИРУ ПО ПУШИНКЕ

Меткой пулей, подстрелившей пушное изобилие, производственники считают распоряжение Совета Министров восемьдесят седьмого года, дозволившее промысловым силам и зверосовхозам оставлять у себя некоторые виды сверхплановой низкосортной пушнины. Это шкурки с пятнышками, царапинами, дырками. На вид скромное решение подхлестнуло местную инициативу. «Закидаем шапками!» — торопится наладить свое производство объединение «Иркутскпромохота». Потребкооперация развернулась и того проворнее.

Пока что в магазинах Иркутска я не встретил стаи из волчьих дох. Но, клянусь, собственноручно гладил ушанки из красивого серого кролика. В прошлом году «Иркутсккоопзверопром» продал сибирякам теплых изделий на 5 миллионов. «Скоро наш кролик,— обещали,— наплодит колонны детских шубок и дамских полудошек!»

Увы, этому кролику наступили на хвост. Госфабрики-то ропщут на нехватку сырья. И облисполком предписывает отдать им сверхплановый пушистый запас. «Иркутскпромохоте» велено отсчитать десять тысяч кроличьих шкурок, а потребкооперации — в три раза больше. Да еще десять тысяч норки. Дескать, в первую очередь должна дымить государственная труба.

Но много ли дыма от пушинки? И как жить-шить неиркутским профессионалам? Уже сейчас прославленный коллектив «Рот-Фронта» вынужден сократиться на 17 процентов. И дальше терять людей? Утратим мастеров пушного цеха в Ленинграде, Харькове, Москве — кто потом возьмет в руки нож и ножницы? Не успеем оглянуться — полиняет вековая сноровка. Хорошие мастера не рождаются в одночасье — не кролики! Как спасти профсноровку?

— Надо поставить нас и кустарей-энтузиастов в равные экономические вешки,— убежден заместитель начальника главка меховиков Минлегпрома РСФСР А. Галун.— Сейчас что видим? У промпредприятия уплывает в госбюджет до 90 процентов общей суммы накоплений, а энтузиаст не выплачивает и трети. Потому бойкий кооператор — нередко вчерашний производственник — и перехватывает на опушке сырье. Пусть и заплатит много щедрее — внакладе не останется!

Но равные условия — петля для инициаторов: посильно ли равняться с промышленными темпами? Думается, приемлемее другое предложение. Промохота отдает все сверхплановое шкурье предприятиям Минлегпрома, там качественно обрабатывают его. умело шьют изделия и возвращают назад в наилучшем виде для реализации.

Есть на мушке и более смелые проекты: объединить ловцов-охотников и отлаженные производственные мощности в один кулак, дабы не плодить недоношенную кустарную цеховщину.

СТРОЧКИ О СТРОЧКЕ

Мы покачиваем головами, когда смотрим в старых фильмах, как заморские купцы за бесценок выгребают у тунгусов и чукчей теплый товар. А сейчас, думаете, отдается он не задаром? До сих пор везем на мировой рынок не изделия из пушнины, а голое сырье. Интенсивно наращиваем разор. Если, к примеру, в 1980 году продали 72 тысячи шкурок голубого песца, то в 1988-м — уже сто тысяч. А соболь за этот промежуток времени подскочил со ста тысяч до 170.

Может, приостановить бесшабашную охоту на валюту? «Сокращение экспорта очень выручило бы наши фабрики»,— считает само объединение «Роспушнина». Минлегпром обратился в российский Совмин с просьбой попечься о внутренних нуждах за счет сокращения экспорта 1 миллиона норки.

Прошедший в июле пушной аукцион в Ленинграде продемонстрировал отскок интереса к мягкому золоту. По разным причинам оно поблекло за морем, упали в цене что соболь, что норка, что голубой песец. Не подходящая ли ситуация для пересмотра политики вывоза богатства задарма? Поднатужиться да снарядить для внешнего рынка неотразимые пальто-манто и горжетки?! Новым блеском возвратить интерес к русским мехам.

Оказывается, пупок слабоват. Как ни удивительно, русского соболя лучше всего выделывают... американцы. Норку — итальянцы. Да и шить, как выяснилось, мы тоже не ахти какие Диоры. «Не выстрочить нам изделия до мирового уровня! — очень категоричен руководитель мехэкспорта П. Захаров.— Низкий дизайн! Отсутствуют пушные модельеры со звонким именем!»

Выходило, даже ножницы у нас кривые. Но сумел же смелый Зайцев покорить Европу с ивановским ситчиком!

«Пробовали продавать русские ушанки в международных киосках Шереметьева,— говорит экспортник Захаров.— Ходко пошли. Но, увы, скоро кончилась у нас ондатра».

Редкостен этот зверь и на отечественных рядовых головах. Да, это та самая водяная крыса, которую перестал добывать за невыгодностью классный охотник Толя Ондатра.

Иркутская область — Москва.

«ДО 16 И СТАРШЕ...»

HOTEL

— Будете торговаться — в школу опоздаю!

В. ВИКТОРОВ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОЛОВЫХ КОНТАКТОВ С 00.00 ДО 3.30 И С 10.30 ДО 13.45

ПО ЗАКОНАМ КОСМОСА

Р. ДРУКМАН.

— Представляешь, я забыла в институт надеть юбку, и никто не заметил!

НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ГРУНИ...

СУДЬБА ЗАБЫТЫХ ЭКСПРОМТОВ

«Я влюблен в Генриэтту Давыдовну. А она в меня, кажется, нет. Ею Шварцу квитанция выдана. Мне квитанции, кажется, нет...» — ныне эти стихи Николая Олейникова, главного редактора детского журнала «Еж», к Г. Д. Левитиной общеизвестны. Евгений Шварц, его подчиненный по изданию, не оставался в долгу. Вторил он Олейникову кратко, лаконично:

О, Груня, счастья вам желая,
Хочу я вас предостеречь:
Не верьте страсти Николая,
Он в сети хочет вас завлечь.
Ведь он — одни слова пустые,
*Туман... да волосы густые *.*

«Генриэтта Давыдовна Левитина,— вспоминал Николай Чуковский,— была прехорошенькая молодая женщина. Она тоже служила в детском отделе (ГИЗа.— **Е. Б.**), и чаще ее называли просто Груней. Шварц и Олейников играли, будто оба влюблены в нее, и сочиняли множество стихов, в которых поносили друг друга от ревности и воспевали свои любовные страдания».

Груня Левитина после окончания педагогического института в 1927 году работала секретарем детского отдела. Она была действительно удивительно хороша. Я видел ее фотографии с сыновьями — художники Возрождения писали бы с нее Мадонну. Все влюблялись в нее в шутку и всерьез. К тому же они с мужем были прекрасными людьми, интересными собеседниками, и к ним любили ходить в гости.

«А Груня занята детьми,— рассказывала мне Фаина Давыдовна, ее сестра, выступавшая в «Еже» как «умная Маша».— Она была совершенно сумасшедшая мать. Перед гостем ставилась бутылка вина, а она шла к детям.

Улица Чайковского,
Кабинет Домбровского.
На столе стоит коньяк,
У стола сидит Маршак,—

сочинение одного из постоянных гостей Домбровских, известного в ту пору шахматиста и математика А. Я. Моделя. Потом приходил со службы Вячеслав Домбровский, и с гостем садились играть в шахматы». А если бывал Д. Д. Шостакович, то они устраивались у рояля и играли в четыре руки.

В. Р. Домбровский был командующим погранвойсками Ленинградского военного округа, имел четыре ромба, что не мешало ему быть и хорошим музыкантом. В юности он окончил консерваторию и юридический факультет. Он являлся потомком прославленного Ярослава Домбровского, героя Парижской коммуны, и сыном Ромуальда Домбровского, известного русского революционера. Когда-то дед Шостаковича, Болеслав Петрович, организовал побег Ярослава Домбровского из московской пересыльной тюрьмы. Теперь дружили их внуки. Вячеслав продолжил революционные традиции семьи. Весной 1917 года он был призван в армию и направлен в юнкерское училище. По его окончании его посылают в Ташкентскую крепость, где в 1918 году Домбровский с товарищами возглавил знаменитое восстание, за что в девятнадцатом его награждают одним из первых орденов Красного Знамени. Когда организовывалась Туркестанская ЧК, Домбровский оказался единственным человеком в гарнизоне с юридическим и военным образованием, и его назначают начальником Чрезвычайной комиссии. Тогда же он вступил в партию большевиков. Дружил с Фрунзе, позже, в Ленинграде, с Кировым.

Но особенно много народу собиралось у Домбровских в день рождения Генриэтты Давыдовны. Владимир Васильевич Лебедев, да и другие художники ГИЗа, рисовали шаржи, а Маршак, Олейников, Шварц, Заболоцкий, молоденький Юра Владимиров, Хармс, Введенский, гости — не поэты соревновались в сочинении эпиграмм. Лучшие подписывались под шаржами.

А 9 мая 1929 года Николай Заболоцкий принес большое шуточное послание «На день рождения...» и, торжественно зачитав его, вручил виновнице торжества. В памяти ее сестры сохранились лишь четыре строчки оттуда:

...Ты родила
двух-трех мальчишек,
Даешь ты на обед им сыр.
Ты шьешь им дюжины штанишек,
Подгузников и пыр и пыр...

Евгений Шварц сразу занервничал, попросил бумаги и ушел в соседнюю комнату. Удалился и Олейников.

Минут через пятнадцать Шварц читал свой экспромт:

Один завистник Заболоцкий,
Полет увидя мотылька,
Сказал ему
с улыбкой плотской:
— Я придушу тебя слегка!
Был свернут из стихов кулек,
И был уловлен мотылек.
Не верь, о Груня, подлецу
В день твоего рождения,
Когда одетая к лицу
Приемлешь поздравления.
Он низкий плут, он обормот,
*А некий Шварц — наоборот!**

Услышав голос «соперника», вышел и Николай Олейников. Очень важный и серьезный, он прочитал:

Да, Груня, да. И ты родилась.
И ты, как померанц, произросла.
Ты из Полтавы к нам явилась
И в восхищенье привела.

Красивая, тактичная,
меланхоличная!
Ты нежно ходишь по земле,
И содрогается все неприличное
И гибнет пред тобой
в вечерней мгле.

Вот ты сидишь сейчас
в красивом платьице
И дремлешь в нем,
и думаешь о Нем,
О том, который из-за Вас
поплатится —
Он негодяй и хам
(его мы в скобках
Шварцем назовем).
Живи, любимая,
живи, отличная...
Мы все умрем.
А если не умрем,
то на могилку к Вам придем.

Финал этой веселой истории трагичен. Пророчество Олейникова не сбылось. «Могилок» многих участников ее не сыскать. Вячеслав Домбровский расстрелян в 1937 году. Вскоре арестовали и его жену. Отбыв первый срок, 10 лет, в 1949 году Генриэтта Давыдовна вновь попала в заключение. Вернулась она только в пятьдесят пятом. Олейников погиб в 1938 году. Его друзья Даниил Хармс и Александр Введенский, которые арестовывались еще в 1931 году, в сорок первом снова оказались в застенке, где и умерли. Судьба Заболоцкого известна: он умер, вернувшись после лагерей и ссылок. Вместе с людьми канули в Лету наркомата внутренних дел и экспромты.

Уже в 1956 году Корней Иванович Чуковский писал Шварцу на его день рождения: «20-е годы, когда мы не думали, что Вам когда-нибудь будет 60, а мне 75 и что те времена станут стариной невозвратной. И Дом искусств, и «Серапионовы братья», и Тынянов, и Зощенко, и Олейников, и Миша Слонимский, и Генриэтта Давыдовна, и Маршак (тоже худощавый, без одышки, без денег) — все это так и ползет на меня, стоит мне только подумать о Вас и о Вашей блистательной судьбе» **. Вот и собрались они вновь вместе, только теперь — на этой странице.

Евгений БИНЕВИЧ,
литературовед, г. Ленинград.

* Эти стихи записаны Светозаром Шишманом со слов сыновей Г. Д. Левитиной — Ромуальда и Вячеслава Домбровских.

* Это стихотворение Ф. Левитина записала в мою «Биневину», рукописную книгу типа «Чукоккалы». Последняя строка имеет вариант — «А верный Шварц — наоборот!»

** См.: Звезда, 1972, № 8, стр. 200.

Летом 1926 года Шварц поехал с друзьями на юг и взял с собой толстую ученическую тетрадь. В ней он писал первую в своей жизни пьесу, а пустые страницы его друзья заполнили шутливыми посвящениями и забавными рисунками. Так получилась своеобразная шварцевская «Чукоккала». Воспроизводим из нее три фрагмента, на одном из которых — автограф стихов Николая Олейникова.

В лесу родилась елочка, в лесу она росла... Поскольку лес был почти весь изведен, это событие заметил член Союза писателей имярек и написал повесть об отношении человека к природе. Повесть ему удалась. Она сеяла разумное, доброе, вечное. И писателю ничего не оставалось, как отнести ее в издательство.

Надо сказать: узнав, что в лесу родилась елочка, да к тому же еще и выросла, забеспокоились и лесозаготовители. Лесорубы спилили елочку, отвезли на леспромкомплекс, где из нее сделали бумагу.

Так писатель и елочка (в своем новом качестве) оказались в издательстве «Советский писатель».

Издателям повесть понравилась. Но не очень. Не понравилось то, что она была менее 20 условных печатных листов. Оказывается, для книги небольшое количество условных печатных листов влечет безусловные неприятности. Как это и случилось с книгой имярек.

— Вот если бы речь шла о большом полотне,— сказал мне директор издательства А. Жуков,— мы поместили бы его в твердый переплет и сшили бы как положено. А такую рукопись напечатаем с бесшвейным скреплением. Это будет клееная книга. А что это такое, вам лучше расскажет специалист-производственник.

Н. Травина, старший инженер-технолог по должности и книголюб по призванию, дорисовала картину, начатую Жуковым:

— Клееная книга — это брошюра со склеенными, а не сшитыми листами и узенькими внутренними полями, так что потом ее и переплести нельзя. Ее нельзя широко раскрывать. Само собой, она будет в мягкой обложке. И на плохой бумаге. Может, даже на газетной. А то еще и пополам с оберточной. Бумага-то дефицит! Об иллюстрациях и речи не идет. Их лучше делать на мелованной бумаге, а она бесшвейному способу скрепления книг по технологии противопоказана: клей ее не берет. Да зачем такой книге иллюстрации? — в сердцах воскликнула Н. Травина.— Книга-то все равно рассыплется после первого прочтения. Клееные книги — это брак! Мы переводим воспетые елочки на макулатуру!

Огорченному писателю я посоветовала дописать пролог с эпилогом: «увеличите тем самым листаж и попадете в переплет!»

Однако писатель вместо пролога с эпилогом написал жалобу, в которой просил пролить свет: кому нужны книги, которые сами полиграфисты считают браком?

Я отправилась в другие издательства. И в разговоре с главным редактором «Молодой гвардии» Н. Машовцом убедилась, что он тоже считает клееные книги браком.

логии, мы не имеем. Но так как линии-то закуплены, работать надо, вот и клеим тем, что есть, нашенским клеем, а он не «держит» бумагу. Да уж и бумага-то! По технологии ей положено быть для каждой книги даже из одной партии. А у нас в одной книге не только не из одной партии, а несколько разных видов бумаги!

Из дальнейшего я уяснила, что, оказывается, не хватает импортных фрез для обрезания листов перед склеива-

А. ПАВЛОВА

ТИРАЖИ И МИРАЖИ

— Едим же мы бракованную колбасу, смотримся в бракованное зеркало, в котором вместо одного человека видим трех. То же самое — бесшвейные книги,— сказал он.

Однако в течение года их будет издано, оказывается, как и в «Советском писателе», более 6 миллионов экземпляров, то есть каждая третья-четвертая книга.

В издательстве «Правда» примерно такая же картина. Из 225 названий (150 миллионов экземпляров) добрая треть — около 55 миллионов экземпляров — издается бесшвейным способом...

А какие произведения и авторы обречены на скорую погибель? Л. Толстой, Салтыков-Щедрин, Чехов, Куприн, Ильф и Петров, Теккерей и проч. и проч.!

— Не жалко вам,— спросила я начальника производственного отдела В. Овечникова,— калечить книги таких писателей и переводить бумагу на книги-однодневки?

— Жалко,— согласился Овечников.— Как книголюб я возмущен продукцией, которую мы выпускаем. Книги должны жить долго. Как полиграфист — в тяжелом положении. Дело в том, что ведомства — владельцы полиграфических баз (Госкомиздат СССР и др.) закупили на Западе линии бесшвейного скрепления книг. А бумаги или клея, соответствующих этой техно-

нием. А наши самодельные рвут и мнут бумагу. Да и вообще бесшвейный способ не для всех видов книг. И он прогрессивен, когда обеспечены все условия этой технологии. Так и работают на Западе. У нас же таких условий не создано, и в погоне за планом, пресловутым количеством исчезли качество книг, культура печатания.

— Все верно,— подтвердила начальник отдела управления качества, стандартизации и метрологии Государственного комитета по печати СССР Г. Шеврыгина.— Бесшвейным способом мы сейчас издаем любые книги, в том числе и художественные, хотя клееные книги не для длительного пользования. Они требуют и особых условий хранения. Если их не соблюдать, пленка клея разрушается и книга рассыпается. Эти книги нельзя дать в библиотеки. Классику, детскую литературу не должны бы выпускать клееными. Но выпускаем и их.

— А какие книги хотели бы иметь лично вы в своей библиотеке? — спросила я Шеврыгину.

— Конечно, только швейного скрепления, чтобы оставить их детям и внукам. Это же духовные ценности! У меня вот есть Лермонтов еще прижизненного издания, так я могу и сейчас им пользоваться!

Так что же получилось с книгопечатанием спустя почти полтораста лет? Да то же, что и в других отраслях народного хозяйства.

Известно, ничто не заставляет так думать, как непродуманные решения. В книжной политике решали сиюминутную задачу: увеличить выпуск книг любой ценой! Ах, на Западе быстрое бесшвейное издание книг? Вот бы и нам! Закупим такие линии! Закупили. Ах, нет нужных для них бумаги и клея? Плевать! Склеим тем, какой подвернется, а напечатаем на любой бумаге. Хоть на туалетной! Главное, показать, что книги, вот они, печатаются! Народ-то не избалован, любую возьмет. Но дефицит книг от ускоренного и упрощенного способа печатания, хоть тресни, не исчезает, так как исчезают... сами клееные книги. Они не жильцы на белом свете. Развалившиеся, «рассыпчатые» книги (классику, детские и проч.) надо печатать еще и еще раз. И это при нашей нехватке бумаги!

А как ей не быть, если бумагоделательные, полиграфические мощности работают на брак и макулатуру! Представить только: в стране за год издается около миллиарда экземпляров клееных книг (около 60% всех выпущенных)! Тут уже речь идет не о загубленной елочке,— «зеленое море тайги» перестает петь под крылом самолета! Недаром говорят, что скупой платит дважды. А плохой хозяин — наверное, трижды!

Вот и сходит с машин скоропортящийся товар, на который только и осталось что ставить срок годности. Против такого товара протестуют и писатели.

— Я,— сказал Сергей Владимирович Михалков,— считаю это безобразием. Книга должна долго служить человеку. А если она недолговечна, то зачем такая нужна?

Анатолий Наумович Рыбаков к этому добавил:

— Вообще-то наша полиграфия настолько отстала от мировых стандартов, что чуть хуже или чуть лучше — это ничего не меняет в корне. Но настоящая, интересная книга, конечно, должна быть долговечной!

Что касается мнения автора повести, о ком шла речь, то он в раздумье:

— Раз не могу пока сеять разумное и вечное или хотя бы долговечное, не лучше ли подождать, когда полиграфисты начнут печатать не миражи, а тиражи?..

Александр ХОРТ *ПАРОДИЯ*

Побудка

(Владимир МАКАНИН)

На перекрестке Николая Николаевича опять сбила машина. Ему надоела такая жизнь — каждый день сбивают. И, проклиная тот момент, когда согласился приехать в этот город, он решил: пора, мол, уматывать отсюда. Рвать когти. Он так и рубанул своему товарищу, который вручил ему обратный билет.

В гостинице Николай Николаевич обратился к дежурной по этажу — бабцу с землистым породистым лицом: мол, поезд уходит рано. Разбудите меня еще раньше — в четыре утра.

Она активно откликнулась на просьбу, мол-де, хорошо, звякну по телефону.

«Как же я звякну среди ночи, ежели не имею будильника,— думала позже дежурная матрона, проклиная тот момент, когда подала заявление о приеме на работу в отель.— Жильцу один хрен, кто будет трезвонить. Надо кого-нибудь попросить. Но кого? Будь у меня муж — другой разговор. А ведь я одинока».

Тогда она решила позвонить дочке: мол, поставь, Аня, будильник на четыре утра, а когда продерешь зенки, набери такой-то номер.

Перекличка с юностью закончилась успешно — проклиная тот момент, когда был изобретен телефон, дочка согласилась выручить мать. В то же время понимала: может ее подвести. У Ани не было полной уверенности в том, что, мол, в четыре утра она среагирует на сигнал будильника. Тот и в девять-то ее еле будит.

Помогли, как всегда, таблетка элениума и случайно оказавшаяся при себе природная сметка. Сверкнуло то самое: у Жуана, мол, бессонница. Пусть он звонит.

Жуан Жуанович — тайная платоническая любовь. Просить его о чем-нибудь — счастье. Значит, лишний раз пообщаться, приобщиться.

Прагматичная Аня сбежала вниз к почтовому ящику, мол, вдруг случайно увижу его.

— Жуан Жуанович, вы еще не спите? — спросила воздыхательница, когда предмет ее грез спустился с мусорным ведром за газетой. Совместил две функции.

Сосед, холостая харя, подтвердил ее гениальную наблюдательность.

— Вы всегда рано встаете. У меня к вам просьба — наберите в четыре утра один номер. Человека разбудить надо.

Проклиная тот момент, когда он оформил подписку на газету, холостяк корректно согласился выполнить просьбу красотки. Обычно он вставал рано. Однако сегодня засиделся — в гости приезжал знакомец, с которым они отбывали срок в местах не столь отдаленных, где сходилось небо с холмами. Отличный мужик, врач-интеллигент, по-латыни ботает. Последнее время Жуан Жуанович пристрастился к печатному слову — читал запоем. Вот и попросил дружка, мол, избавь меня от запоев. После лечения Анин сосед готов был блеснуть в жанре засыпания.

И тут он вспомнил, мол, друг уезжает рано — будет вставать в четыре утра.

Позвонил ему Жуан Жуанович, сказал, мол, просьба к тебе имеется. Когда завтра встанешь, брякни по одному телефончику. Пиши номер.

И, проклиная тот момент, когда появился на свет, Николай Николаевич узнал, что завтра утром должен позвонить самому себе.

КРОКОДИЛИНКИ
А. УМЯРОВ.
И. КЛИМОВ.
А ТЕПЕРЬ, ТОВАРИЩ ДИРЕКТОР, ВОПРОС – НА ЗАСЫПКУ...
В. ДУБОВ.
В. СОЛДАТОВ.
М. ЖИЛКИН, г. Ярославль.
А. АЛЕШИЧЕВ.
Л. НАСЫРОВ.
Р. ДРУКМАН.
— И дернул меня черт полезть за курами на семейную ферму!
— Карликовая пальма, однако, выросла. Значит, тепло будет...
Р. САМОЙЛОВ.

А. ПОКЛАД

ДЖУНГЛИ

Продолжение. Начало см. № 32.

Волна краж нарастала. И в этой связи необходимо сделать лирическое отступление о культурных связях с зарубежными странами.

Они способствуют росту взаимопонимания и доверия между народами, а также дают устойчивый доход в инвалюте чиновникам из различных советских ведомств и членам худколлективов. Поэтому за рубеж, как правило, выезжают большие коллективы с массой сопровождающих.

В такие страны, как Фулия, советские худколлективы попадали чрезвычайно редко, что весьма объяснимо. Поскольку нельзя ежегодно посылать в далекую страну огромный коллектив, это делали раз в десять лет. В конце 70-х годов, например, в Фултаун приехал оперный театр из одной нечерноземной области. Надо сказать, что про оперу фулы не слыхали и слыхом и выступления проходили в пустом зале. Но план культурных обменов с Фулией выполнили, поставили галочку и забыли о ней лет на десять. Американцы же, англичане и французы присылали в Фултаун небольшие, по два-три человека группы: джазистов, пантомиму и прочее. Но присылали ежегодно.

Но вот про Фулию вспомнили в коридорах ведомства, отвечающего за культурные обмены с зарубежными странами, и направили туда выставку советской графики. Выставка должна была пройти в канун большой даты в жизни советского народа, но, как это бывает в большинстве случаев, пришла в Фултаун через два месяца после юбилея. Сюсюнкин долго думал, что с ней делать, но к конкретному решению так прийти и не смог. Почти год пятьдесят картин провалялись на складе посольства, а потом были перевезены на склад в жилой дом. Наконец Сюсюнкин нашел единственно верный выход: уезжая в отпуск, он поручил провести выставку остающемуся за него Самостроеву.

Самостроев, который вообще любил оставаться Временным поверенным в делах СССР, активно начал разгребать накопившиеся за время, прошедшее между отпусками посла, проблемы в советско-фулийских отношениях и внутри посольства. Он как бы говорил Центру: вот он я, могу возглавлять посольство и работать лучше некоторых. На фоне Сюсюнкина это было нетрудно. Выставку «повесили» на Малышева. Он договорился с руководством Национального музея об использовании его залов под выставку советской графики, сделал и разослал около двухсот приглашений. Самостроев от своего имени пригласил открыть выставку министра культуры. Проинформировали и местных журналистов, чтобы не забыли приехать на открытие, выпить по банке пива и написать о советской графике несколько слов похвалы. Одним словом, Малышев пробегал взмыленный недели две, но выставку сделал.

Открытие было назначено на понедельник, а накануне в пятницу решили провести последнее координационное совещание по выставке. Надо было уточнить, кто из технических работников поедет в воскресенье развешивать картины в Национальном музее, а также сколько пива выставлять для пришедших на открытие гостей. Вызвали завхоза.

— Ну, что, Иван Михалыч,— сказал Самостроев,— сколько пива у нас есть на складе? А то мы тут выставку в понедельник с утра открываем.

— Какую выставку?

— Советской графики, ту, что у тебя на складе в жилом доме лежит.

— Так, ить, ее нет,— сказал завхоз.

— Не понял, не понял. В каком смысле нет?

— Украли ее, два месяца назад. Я докладывал помощнику посла по юридическим вопросам.

После этой ремарки, сделанной спокойным тоном, Самостроев, Малышев и другие присутствовавшие дипломаты разом вспотели, глубоко вдохнули и выдохнули. Малышев стряхнул пепел с сигареты прямо на ковер начальству.

— Кому докладывали?

— Товарищу Клюеву.

Все посмотрели на Клюева.

— Мне докладывали, что со склада пропало несколько картинок,— сказал Клюев.

— Ну!— сказал завхоз.

И тут взорвался Временный поверенный.

— Какие несколько картинок!— закричал Самостроев.— Там было пятьдесят картин в рамках и под стеклом! Это ж почти пятьсот килограммов! Не понимаю, как можно украсть за раз такой вес?

— Я сам не понимаю,— сказал завхоз.

— А послу-то об этом докладывали?

— Я докладывал товарищу Клюеву.

Все снова посмотрели на Клюева.

— Мне докладывали, что пропало несколько картинок.

— Это что же получается,— сказал Самостроев, слегка уже пришедший в себя,— мне теперь перед проведением коктейля надо проверять, на месте ли тарелки и вилки?

Выставку все-таки провели. В срочном порядке из торгпредства, представительства ССОД, бюро АПН и посольства были собраны все представительские сувениры и прочие хотя бы отдаленно напоминающие произведения искусства вещи. Да, нелегкое это дело, культурные обмены с зарубежными странами.

Послу, приехавшему из отпуска еще более помрачневшим, доложили о «выставке-пропаже» и принятых в связи с этим мерах. Не успел он по-настоящему расстроиться, как со склада исчезли портативный токарный станок, газонокосилка и поливочный шланг.

Кто-то предложил покрыть верх забора битым стеклом. Но кто добровольно предоставит бутылки для сей благородной цели? Бутылок-то из-под молока в Фулии не было, оно там продавалось только в пакетах.

— Вообще не к лицу советскому посольству быть окруженным битыми бутылками,— сказал Самостроев.— Я как секретарь парторганизации это приветствовать не могу.

— Угу-угу,— сказал Жутин.

Сам он пил довольно редко и в одиночку, скрытно вынося пустую посуду на общественную помойку.

И вот когда кризис с кражами должен был достигнуть апогея, все как-то сразу стало на свои места. Кражи затмило новое, гораздо более пикантное событие. Дежурившие по ночам в кустах две жены технических работников наконец-то установили, что квалифицированный рабочий иногда посещает жену одного из дежурных комендантов в период с трех до четырех утра. Причем эти посещения приходятся как раз на ночные дежурства данного коменданта. Рапорт на имя помощника посла по юридическим вопросам был написан незамедлительно. Посол долго вникал в интимные обстоятельства дела, но мер принимать не стал, ибо жалоб ни со стороны коменданта, ни со стороны жены квалифицированного рабочего не последовало. А принимать во внимание показания двух очумевших от лежания в кустах баб даже Сюсюнкину показалось несостоятельным.

Казалось бы, за границу у нас направляют лучших людей, каждый из которых доказал свое право работать на «переднем крае». Но эти лучшие из лучших, попав за рубеж, вдруг начинали сплетничать, доносить, экономить, халтурить, подсиживать.

В советском посольстве в Фулии было много парадоксов. Но главный парадокс заключался в том, что на реальное дело у людей уходило лишь 20% энергии, в то время как на так называемую «внутрипосольскую дипломатию» — аж все 80%. Дипломатия в пределах забора, окружавшего посольство, отнимала много нервов и времени. Ее движущая сила — зависть. Люди с зарплатой поменьше завидуют людям с окладом побольше. Те, кто не имеет права водить машину, завидуют тем, у кого «есть руль». Техперсонал завидует дипломатическому составу, особенно младшему. Трудно примириться технику посольства, работавшему ранее главным инженером крупного московского треста, с тем, что в посольской иерархии он стоит ниже референта, только-только окончившего институт. Водитель посла и завхоз постоянно выясняют, кто из них главней, считая себя элитой технического состава, а возможно, и всего посольства в целом. Даже посол, и тот чем-то недоволен. Хотя бы тем, что он до сих пор вынужден выплачивать взнос за валютный кооператив, купленный для младшего сына.

Время отнимала не только «внутрипосольская дипломатия», но и бесконечные собрания, заседания, семинары и конференции, которых проводилось не менее 50 в год. Как правило, на них обсуждались вопросы, далекие от конкретной работы, а если и намечались какие-нибудь планы, то редко когда выполнялись. Если в среднем заседание идет два часа, то нетрудно подсчитать, что каждый совзагранработник в Фулии ежегодно терял около двух недель чистого рабочего времени. А из Центра все шли указания: обсудить материалы такого-то форума, углубленно изучить такие-то проблемы. Хотя нормальный дипломат должен без напоминания углубленно изучать проблемы и прорабатывать материалы.

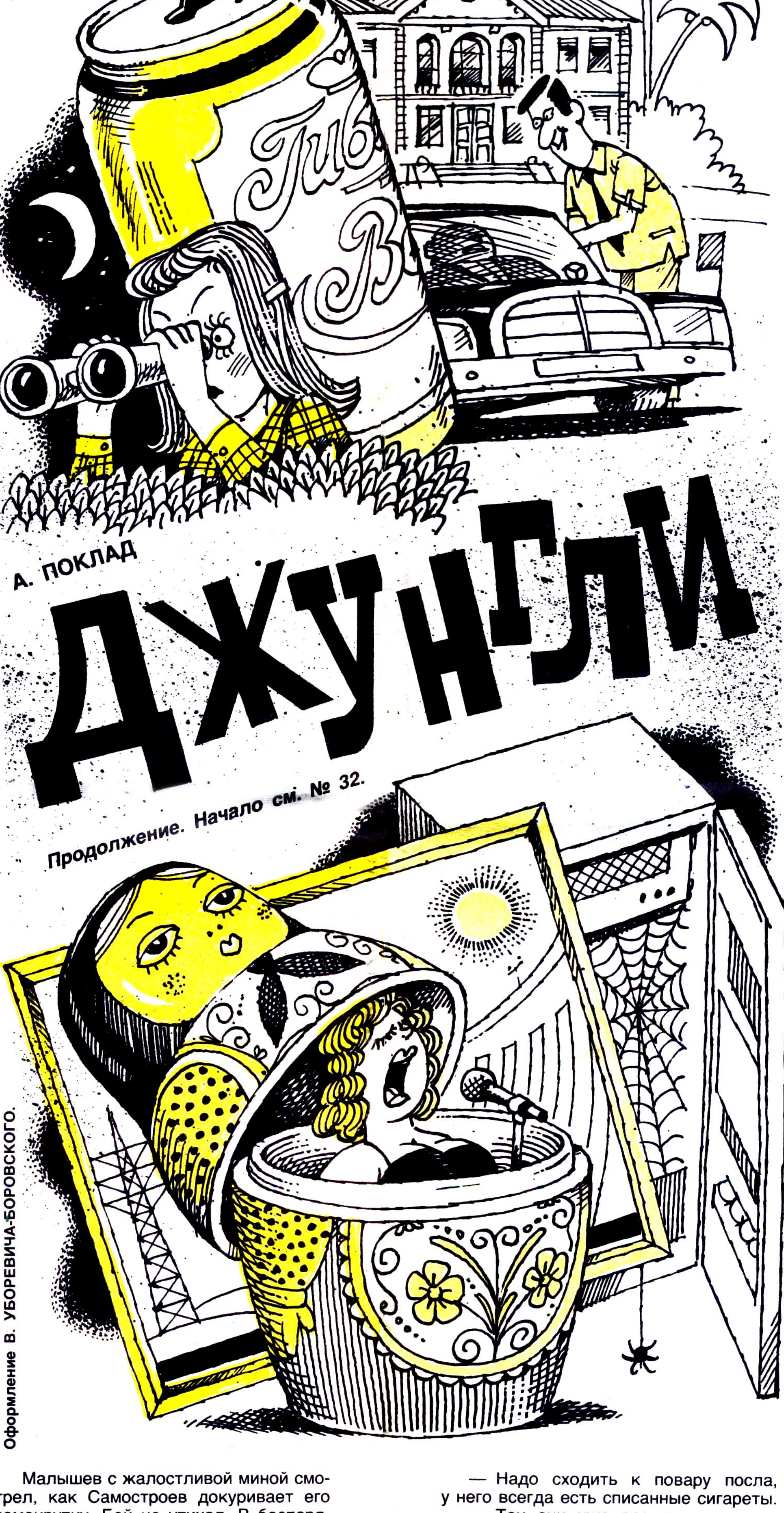
Вернемся, однако, к подготовке эвакуации. После долгих дебатов решили использовать микроавтобус бюро АПН, который поведет водитель посла, и еще три легковые автомашины, за руль которых должны были сесть Жутин, консул Аминов и Клюев, назначенный старшим группы.

Аминов долго отказывался, мотивируя это тем, что крайне плохо водит автотранспорт, так как последние двадцать лет дома его возил личный шофер.

Аминов очутился на загранработе, когда в одной из наших республик случились большие неудовольствия. И хотя он не знал английского, это не особенно отразилось на работе консульства.

Правда, случались мелкие казусы. Однажды, например, консул поговорил по телефону с помощником министра иностранных дел, который пытался растолковать ему что-то очень важное. Аминов понял два глагола: «уезжать» и «праздновать». Посчитав, что дело не срочное, он доложил о разговоре Сюсюнкину только через час. «Звонил помощник министра иностранных дел,— сказал он,— просил передать, что уехал праздновать». Позже выяснилось, что помощник пытался втолковать Аминову, что он срочно выезжает в аэропорт встречать своего министра, который возвращается из Москвы, где возглавлял делегацию Фулии на праздновании Первомая. Помощник просил передать советскому послу время прибытия самолета, с тем чтобы тот успел встретить министра. Но советский посол узнал о разговоре только через час и в аэропорт не успел. Министр обиделся и не принимал его еще месяц. Малышеву пришлось ехать в министерство и в «аккуратной форме» объяснить помощнику, что тот говорил с консулом, который не очень понимает по-английски.

* * *

Оформление В. УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО.

Малышев с жалостливой миной смотрел, как Самостроев докуривает его самокрутку. Бой не утихал. В беспорядочную автоматную стрельбу вклинивались орудийные залпы и очереди счетверенных зенитных пулеметов.

— Есть идея!— сказал Петров.— Но выполнять ее младшему по рангу!

— Что за идея?— спросил Самостроев.

— Надо сходить к повару посла, у него всегда есть списанные сигареты.

— Так они уже все плесенью покрылись!— сказал Малышев.

— Ничего, просушим. Набьем в трубку.

— Голова у тебя работает,— сказал советник.

Посол не курил, но у него всегда был запас представительских сигарет, чтобы угощать иностранных гостей. Но у курящих гостей, как правило, были свои сигареты. Поэтому наши представительские сигареты время от времени приходили в негодность, их списывали и отдавали повару посла. Тот курил мало, и у него всегда хранилось несколько блоков испорченных сигарет. Впрочем, тлению подвергались не только сигареты. Однажды пришлось вылить ящик прокисшего представительского сухого вина. Его списали на мифический «коктейль для журналистов».

Особенно было обидно, что вино прокисло перед государственным приемом, который ежегодно устраивался 7 ноября. Но оставалось еще несколько ящиков вина и пива, правда, впритык. Прием решено было провести скромный, пар на триста. Малышев неделю бился со списками приглашенных, который все никак не хотел ужиматься до нужных размеров.

Посол лично просмотрел списки «в сторону их сокращения». «Смета на исходе,— сказал он,— пива совсем мало осталось». Но с болью в сердце завизировал список на четыреста пар, из которых, по опыту прошлых лет, должны были реально прийти пар двести пятьдесят. Плюс наших пар пятьдесят — вот вам и все триста. Малышев, подавая список на визу послу, предусмотрительно оставил пустое место между окончанием списка и подписью. После получения визы он внес в список еще владельца видеотеки, услугами которого пользовались они с Петровым, и владельца музыкального магазина, продававшего им кассеты со скидкой.

За день до приема Сюсюнкин провел последний инструктаж. Он был краток и лаконичен. «Пива прошу много не пить,— сказал он,— больше угощать гостей. А то у нас некоторые любят выпить пива, а потом голову ломаешь со сметой. Какие еще проблемы?» Больше проблем не было.

Согласно неписаным правилам фулийского дипломатического протокола, прием проходил под открытым небом. Официанты, нанятые в одном из городских ресторанов, разносили легкие закуски: кусочки жареного мяса, миниатюрные пирожки с капустой и рыбой, соленые орешки. На лужайке размером с полтора теннисных корта, по углам которой были расставлены столы с пивом и сухим вином, собралось около трехсот пар.

Несмотря на многократные просьбы мужей и прямое указание посла «не толпиться», женщины, как всегда, стояли кучкой. Вести светские беседы, полные скрытого смысла, да еще на иностранном языке, они предоставляли мужьям. Только «послиха» и «советница» взяли в оборот итальянку и китаянку, обсуждая с ними погоду и другие важные аспекты положения в «стране пребывания».

Для других представительниц прекрасного пола высшим смыслом любого приема была демонстрация друг перед другом новых вечерних туалетов, полученных с последней выпиской из Европы. Мужья оценивали приемы по плодотворности знакомств и бесед, жены — по количеству представленных нарядов. «Интересный был прием,— говорил муж жене, принимая вечером душ,— пришли три министра, несколько членов парламента...» «Жена Сидорова,— щебетала супруга, не слушая его,— была в новом платье из «Кейса». Симпатичное, но ей слегка великовато. Мне бы надо к следующему разу заказать костюм с плиссированной юбкой». На приеме мужья старались больше двигаться, переходя от одного собеседника к другому, жены — стоять на месте, так как передвигаться на «шпильках» по газону затруднительно. Все сходились только в одном — ноги после приема гудят.

Петров вообще не чувствовал ног. Им с Малышевым пришлось первые сорок пять минут встречать гостей и провожать их к месту, где стояли посол и советник.

Машины с приглашенными прибывали косяками. Десять минут беготни сменяла пятиминутная передышка. За это время они успевали хлебнуть пива (несколько банок было предусмотрительно спрятано в кустах у ворот), выкурить по полсигареты, перекинуться несколькими словами с телохранителем западногерманского посла, а также еще раз затвердить в памяти, кто из приглашенных прибыл. Потом с одного конца улицы показывался очередной «мерседес», а с другого конца — машина под флагом. «Ты бери на себя посла, а я министра»,— говорил один другому, и они разбегались открывать двери машин высоких гостей. Такой род деятельности младших дипсотрудников за рубежом на мидовском жаргоне называется «работать вратарем» или «стоять на воротах».

Послу тоже приходилось нелегко. Он уже пожал шестьсот рук. Кроме того, каждый третий приглашенный нахально интересовался, почему нет водки. Приходилось разъяснять, что в Советском Союзе сейчас борются с пьянством.

Тем временем Петров с Малышевым врезались в гущу приглашенных, высматривая объект для беседы. Они взмокли, рубашки прилипли к спинам, ноги, стиснутые черными ботинками, горели. Наскоро перекусив пирожками и махнув по два стакана пива, которое только увеличило и без того обильное потоотделение, они натолкнулись на главу Православной церкви Фулии епископа Маракиоса. Епископ тоже страдал от жары и потягивал мартини.

— Здравствуйте, владыка.

— Здравствуйте,— ответил епископ по-русски и перешел на английский.— Приятно пообщаться со своими, православными. Кстати, почему нет водки?

— Боремся с пьянством,— сказал Малышев,— здоровье мирян резко пошло на поправку.

И младшие дипломаты разъяснили епископу суть мер по борьбе с алкоголизмом и их положительные результаты. Тот полностью согласился с необходимостью строгих мер, но проявил некоторое недопонимание ситуации, спросив, при чем тут он и другие приглашенные...

Жара тем временем стала спадать, пиво кончилось. Прием затухал. Младшие дипломаты вновь «встали на ворота» раскланиваться с отъезжающими гостями. Начальник охраны командующего армией попросил закурить. Малышев угостил его «Беломором». У того глаза полезли на лоб. «Вот это да!» — сказал он, прокашлявшись.

Когда гости разъехались, все наши дипломаты и технические работники, обслуживавшие прием, потянулись к машинам. Петров с Малышевым плелись сзади, допивая последнюю банку пива. Вдруг впереди возникло небольшое замешательство. «Врача! Врача!» — послышались крики. Оказалось, что Полушёпотов упал в голодный обморок. Хотя было не до шуток, кто-то сказал: «До него, наверное, донесся запах шашлыка, вот сердце и не выдержало».

Посол очень переживал за Полушёпотова. И, как оказалось, не зря — позже выяснилось, что это уже третий голодный обморок его любимого электрика и собеседника (Полушёпотов регулярно докладывал послу обо всем, что происходило в колонии). Работая в Фулии, электрик похудел примерно на 20 килограммов и стал похож на скелет, обтянутый кожей. Объяснялось это тем, что чета Полушёпотовых была крайне умеренна в пище — экономила деньги.

Встал вопрос о досрочном откомандировании лучшего, по мнению Сюсюнкина, члена коллектива, пока тот не отбросил с голодухи копыта. Но Полушёпотов час ползал на коленях перед советским послом. Обливаясь слезами, обещал питаться лучше, докладывать подробнее. Усилиями Сюсюнкина электрика оставили. Говорили, что в его рационе появилось мясо.

Малышева отправили за сигаретами. Ему предстояло пробежать метров тридцать от здания посольства до здания резиденции посла и обратно. И хотя территория была огорожена забором, это требовало определенного мужества — шальные пули срезали ветки деревьев прямо над головой.

— Тяжелая была эвакуация,— вздохнул советник.— У меня ведь это пятый переворот. А эвакуация первая.

— И у меня первая,— сказал атташе.

— Как там наши бабы? — вздохнул советник.

Зазвонил внутренний телефон. Самостроев поднял трубку.

— Да! Так! Получили? Уф! Ну, отлично!

Он улыбнулся, встал из-за стола и прошелся по кабинету. Обернулся к Петрову.

— Получена телеграмма. Все добрались нормально.

У Петрова на душе полегчало. Впервые за три дня.

Три дня назад, после того как приняли решение об эвакуации, все взялись за дело. Распределили обязанности. Кто-то готовил к поездке машины, кто-то писал сообщение в Центр. Петрову поручили собрать со всех отъезжающих медицинские сертификаты и проверить наличие отметок о необходимых прививках. Без этих отметок людей могли не пропустить через границу с соседней страной, а позднее могли возникнуть трудности в «Шереметьеве-2».

Разных болезней в Фулии хватало. Переболеть три-четыре раза за командировку малярией считалось в порядке вещей. Процветали также и желудочно-кишечные заболевания.

Вообще-то говоря, способ борьбы с малярией и поносом был известен еще первым миссионерам, в незапамятные годы попавшим в фулийские джунгли. Джин с небольшим добавлением тоника действовал весьма надежно. Однако этот способ борьбы советским людям не подходил. Им надо было уповать на обычные лекарства. Но и обычных лекарств в медпункте посольства не хватало, срок действия многих истек, а новых Москва не присылала уже давно.

Но не малярийный комар, ядовитая змея или нерадивый чиновник от медицины были главным неудобством для наших загранработников в Фулии. Вот уже несколько лет, как на малярию смотрели сквозь пальцы, ибо в сравнении с новым заболеванием, распространявшимся по стране с катастрофической быстротой, малярия была все равно что заноза по сравнению с огнестрельным ранением. Заболевание передавалось в основном половым путем. Тут, казалось бы, проблем нет: у советского загранработника выработана высокая моральная устойчивость к иностранным половым раздражителям. Однако беда была в том, что заболевание распространялось и другими путями: через грязный мединструмент и т. д.

Болезнь эта известна как синдром приобретенного иммунодефицита. Прямо скажем, не очень интересно жить, будучи окруженным СПИДом.

— Объяснишь людям, что медсертификаты мы собираем на всякий случай,— напутствовал советник Петрова,— что это обычная мера предосторожности. Про эвакуацию мы сообщим ближе к вечеру, чтобы без паники.

Петров поехал на жилой комплекс собирать медсертификаты.

(Окончание следует.)

Феликс ДЕРЕЦКИЙ
(Польша)

ГОЛОС

В тот день, как всегда утром, пошел в магазин за продуктами. Среди разной разности на полках я высмотрел приличную на вид буханку хлеба и протянул к ней руку.

Но тут неожиданно откуда-то раздался зычный голос:

— Руки прочь! Ты знаешь, сколько государство приплачивает за каждую буханку?

Я отдернул руку. Огляделся, но в этом отделе, кроме меня, никого не было.

Может быть, мне померещилось? Я перешел к другому прилавку. Протянул руку за молоком и чуть не уронил бутылку. Тот же голос приказал мне:

— Поставь бутылку на место. Нечего кормиться за счет государственных дотаций на молоко и молочные продукты.

Теперь у меня не оставалось сомнений. Это был голос совести, начитавшейся и наслушавшейся про то, сколько и к чему приплачивает государство.

Я ходил по магазину. В нем совсем не было покупателей. Как видно, и в них заговорил такой же информированный голос.

Покинув магазин, я направился к автобусной остановке, чтобы поехать на работу. Как раз подошел автобус, на удивление пустой. Я быстро вскочил на подножку и еще быстрее соскочил обратно.

Тот же голос рявкнул над моим ухом:

— Пешочком! Пешочком! Высокие дотации на содержание общественного транспорта могли бы быть направлены на другие цели.

Автобус ушел пустым. Вместе со мной на остановке остались все пассажиры. Надо думать, и они послушались неумолимого голоса. Я шел пешком, в плотной толпе пешеходов, спешивших по своим делам.

Обгоняли нас пустые трамваи и автобусы, и было приятно сознавать, что государство таким образом экономит на своих гражданах.

Я честно отработал на службе положенное время. Был выплатной день. Получив положенную зарплату, я попытался представить, как бы мне истратить деньги, не вынуждая при этом государство приплачивать огромные суммы.

Ничего подумать не сумел. Злой и голодный, я дотянулся пешком до дому, но едва вложил ключ в дверной замок, как услышал укоризненный голос:

— А ты знаешь, сколько государство приплачивает к твоей квартирной плате?

Мне стало стыдно. Куда пойти, где найти приют, за который государство не должно приплачивать?

И тут во мне что-то проснулось. Какой-то другой голос. И он рявкнул:

— А ты подсчитай, сколько ты приплачиваешь государству... нет, не денег — сил, знаний, труда, энергии, таланта?..

Первый голос сразу утих, и я сумел возвратиться к своему относительно нормальному образу жизни...

Перевод Н. ЛАБКОВСКОГО.

Водитель автомобиля после того, как сбил пешехода, выскочил из машины и с гневом закричал на пострадавшего, который с трудом поднимался с земли:

— Осторожнее!

— А что? Вы еще собираетесь дать задний ход?

●

— Дорогой, как тесен мир! Я вчера узнала, что твоя третья жена и мой второй муж проводят медовый месяц на вилле первого мужа твоей второй жены.

●

Пациент спрашивает у врача:

— Что означает в моем диагнозе «Ч. Е. З.»?

— Черт его знает!

●

На футбольном матче в Париже у поля начинается потасовка.

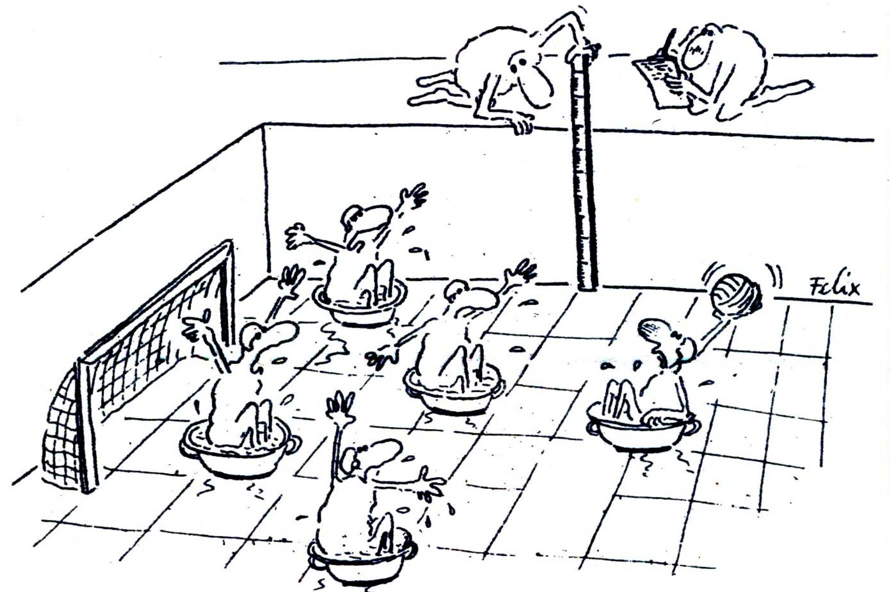
— Что там происходит? — спрашивает один из зрителей.

— А вы не видите? Это болельщики из Лондона пытаются поймать судью.

— Но ведь игра еще даже не началась!

— Дело в том, что последний поезд на Лондон отправляется сразу после матча, и они не уверены, что у них хватит времени разобраться с судьей после игры.

Из еженедельника «Стършел», НРБ, и сборника «Шутки на все случаи жизни», Великобритания.

«Ойленшпигель», ГДР.

О ЛЕСТИ

Лесть — это агрессия на коленях (Г. Бранстнер).

Куря фимиам одному, можно выкурить другого (В. Брудзиньски).

Лесть — это фальшивая монета, которая имеет хождение только вследствие нашего тщеславия (Ф. Ларошфуко).

Кто умеет льстить, умеет и клеветать (Наполеон I).

Ко всякому панегирику примешана настойка мака (Дж. Свифт).

Льстецы похожи на друзей, как волки на собак (Дж. Чапмен).

Человека подкупает иногда не сама лесть, а то, что ты считаешь его достойным лести (Б. Шоу).

Собрал А. ФЮРСТЕНБЕРГ.

«Небельшпальтер», Швейцария.

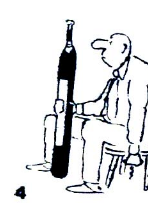
— Стой спокойно! Дай мне найти членский билет общества по охране животных...

«Доменика дель коррьере», Италия.

«Павлиха», Югославия.

Таге ДАНИЭЛЬССОН
(Дания)

МЕДИТАЦИИ В БУДКЕ СУФЛЕРА

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ — хорош актер;
Едва передвигается по сцене,
Еще и принца корчит из себя.
ИЛЬ, ОПОЛЧАСЬ НА МОРЕ СМУТ, СРАЗИТЬ ИХ
ПРОТИВОБОРСТВОМ? Вряд ли до конца
Спектакля он продержится, бедняга,
На сцене рухнет — КАК ТАКОЙ РАЗВЯЗКИ
НЕ ЖАЖДАТЬ? Мне, суфлеру... УМЕРЕТЬ,
УСНУТЬ! И встать актером — ВОТ В ЧЕМ ТРУДНОСТЬ;
А если мы, суфлеры, забастовку
Объявим,— СБРОСИМ ЭТОТ БРЕННЫЙ ШУМ...
Потребуем прибавки, ГДЕ ПРИЧИНА
ТОГО, ЧТО БЕДСТВИЯ ТАК ДОЛГОВЕЧНЫ;
Принц в стельку — впереди еще два акта.
ГНЕТ СИЛЬНОГО, НАСМЕШКУ ГОРДЕЦА,
Когда я, наконец, разбогатею,
ЗАНОСЧИВОСТЬ ВЛАСТЕЙ И ОСКОРБЛЕНЬЯ,
Я собственный открою театр — тогда
КОГДА Б ОН САМ МОГ ДАТЬ СЕБЕ РАСЧЕТ.
Я выучил бы эти монологи,
Чтоб не искать спасения в суфлерах,
Я и без них все б помнил назубок.
БЕЗВЕСТНЫЙ КРАЙ, ОТКУДА НЕТ ВОЗВРАТА,
Увольте, быть суфлером не хочу,
ВНУШАЯ НАМ ТЕРПЕТЬ НЕВЗГОДЫ НАШИ
И НЕ СПЕШИТЬ? Суфлеру стать актером?!!
ТАК ТРУСАМИ НАС ДЕЛАЕТ РАЗДУМЬЕ
И ТАК — и впрямь длиннющий монолог!
Нет, быть актером — тоже не подарок.
И НАЧИНАНЬЯ, ВЗНЕСШИЕСЯ МОЩНО,
Так, может, лучше уж суфлером быть?
ТЕРЯЮТ ИМЯ ДЕЙСТВИЯ.
НО ТИШЕ!
ОФЕЛИЯ! (Ну, ты! Не видишь, что ли, что Офелия пришла? Да кончился, кончился
твой монолог, сейчас она с тобой поздоровается,
не забудь ей ответить.)

Перевела К. МУРАДЯН.

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..

СЕРГЕЙ ПАРАДЖАНОВ

Считается, что для гурманов
Снимает фильмы Параджанов.
Но, может, серых фильмов тыщи
Нас приучили к пресной пище?

Сергей САТИН.

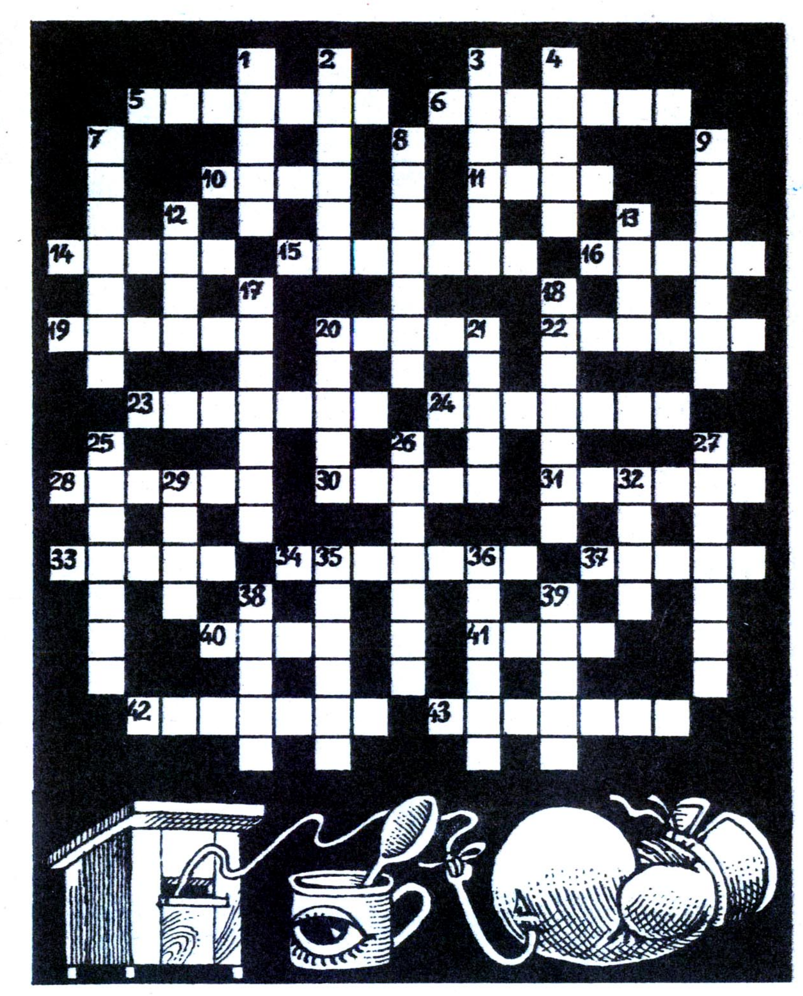
Дружеский шарж К. ВАЛОВА.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Живой круг (танц.). 6. Место, где можно хорошо погорячиться. 10. Запретная накладка. 11. Спорт, в котором человека отправляют в аут. 14. Крылатая лошадиная сила. 15. Служебный друг. 16. Розыгрыш, на который покупают билет. 19. Речная выходка. 20. Лесной стукач. 22. Растительность, с которой боролся Петр Первый. 23. Женская тайна. 24. Больной интерес. 28. Невольный уголок. 30. Великая часть страха. 31. Рыбацкая острота. 33. Максиразмолвка. 34. Выводиловка на чистую воду. 37. Песнь немазаной телеги. 40. Пустые хлопоты (производств.). 41. Ройский домик. 42. Вологодская резня (песенн.). 43. Конец дистанции, которую человек проходит от Москвы с чувством хозяина (песенн.).

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Даровая услуга. 2. Добыча с пробой. 3. Способ набрать обороты (спорт.). 4. Багажная сопроводиловка. 7. Мечта Скалозуба. 8. Блюдо, которое можно испортить хлебом. 9. Много шума — и ничего (пиротехнич.). 12. Абитуриентский проходимец. 13. Единица попутного груза в «Полосатом рейсе». 17. Календарная четвертинка. 18. Книжное окружение. 20. Безработное время. 21. Мера дегтя. 25. Профессиональный металлист. 26. Визгливый боеприпас (поэтич.). 27. Множитель труда машинистки. 29. Ретросуп. 32. Одежка, в которой хорошо играется на волынке. 35. Средство оставить все тяготы за плечами (туристск.). 36. Чашка без блюдца. 38. Кормилец Коробейникова (ильфо-петровск.). 39. Ученическая инструменталка.

Составил Б. ВАСИЛЬЕВ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 32

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Пик. 5. Рэкет. 6. Мим. 8. Помада. 9. Хищник. 10. Ухо. 12. Урна. 13. Кнут. 14. Гид. 17. Аптека. 19. Чеканка. 20. Арбитр. 24. Пародист. 26. Рукав. 28. Расческа. 30. Дробь. 31. Олово. 37. Гастроли. 38. Отара. 39. Телемост. 40. Нектар. 41. Камбала. 44. Гончар. 48. Сон. 49. Фига. 50. Ясли. 51. Кок. 52. Акцент. 53. Коралл. 55. Лир. 56. Ветка. 57. Ной.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Приданое. 2. Отличник. 3. Поп. 4. Камбуз. 6. Монета. 7. Мак. 10. Уха. 11. Остров. 14. Гример. 15. Дар. 16. Пачка. 18. Каин. 21. Рысь. 22. Штирлиц. 23. Кровать. 25. Афера. 26. Ребро. 27. Валка. 29. Кокос. 32. Стакан. 33. Фора. 34. Дамба. 35. Клио. 36. Смычок. 40. «Нос». 42. Аргонавт. 43. Листопад. 45. Рак. 46. Офицер. 47. Дизайн. 52. Аул. 54. Лай.

В НАШЕМ ЦЕХЕ

Сатира
ОРУЖИЕ ПЕРЕСТРОЙКИ
Книжка-календарь

РУКИ ПРОЧЬ ОТ КАЛЕНДАРЕЙ!

Письмо в редакцию «Крокодила»

Уважаемые товарищи!

Пишу вам впервые, так как возмущение мое лопнуло и терпению нет никаких границ. Это мало того, что у вас в журнале на задней обложке стали появляться так называемые календари с подозрительными подписями и всякими там рисунками. Я сперва подумал, что это единичный факт, а недавно понял, что это ширящаяся зараза, а может быть, и заговор сил.

Вот тут сын-оболтус принес в дом так называемую «Книжку-календарь» с названием «Сатира — оружие перестройки» и под эгидой какого-то клуба сатиры и юмора «Сюрприз» из города Ставрополя. Н-да. Календарик-то навроде вашего, с хохмочками и картинками, да к тому же на весь 1989 год.

И куда только смотрели редактор Белоконь С. В. (а еще ответственный!) и редактор Ненашев В. С. (а еще художественный!).

Товарищи! Ведь происходит опошление (в русле оплевывания) всех наших советских календарей! Неужели ни вы, редакция, с вашей задней обложкой, ни издательство «Ставропольская правда» с их книжкой, не понимаете, что, начав с календарей, вы закончите очернительством и всего остального святого — железнодорожных расписаний, таблиц розыгрышей лотереи ДОСААФ и талонов на сахар! Сын-оболтус и все его дружки плюс даже жена (моя) смеются, читая упомянутую книжку, и хохочут надо мною, что я этого не делаю. А над чем смеяться? Вот из пыльного хлама прошлого (так называемая рубрика «Из недр истории») вытащили фразочку немецкого «профессора» (в книге профессор без кавычек!) Галлети (1750—1828): «О том, жил ли Гомер на самом деле, мы не знаем. Зато нам известно, что он был слепым». Н-да. К чему такое смакование физических недостатков знаменитого древнеримского философа и архимеда, тем более что до сих пор не известно, жив он или помер? А чего стоит фраза некоего К. Мишина: «Те помещики, от которых крестьяне слышали добрые слова, были, как правило, писателями». Это же беспринципно! Вот из-за таких помещичье-настроенных мишиных мы и докатились до личных подсобных хозяйств и аренды! А изречение М. Кузьмина «Критиковать можно только отдельные недостатки, а высмеивать — все»!.. От этого «все» недалеко и до «всё»! А рассказы! Среди их авторов мне встретилась, например, фамилия К. Мелихан. Что-то очень небезызвестное! Уж не тот ли это низкопоклонствующий перед «джентельменами» писака? А все эти «Мысли», «Фразы», «Монологи» и прочие стихи?! Вы их читали? Обязательно прочтите и убедитесь, что я прав!

В книжке много и так называемых карикатур и якобы забавных рисунков, по выражению сына-оболтуса — «клёвых», а внука-разложенца — «забойных». Не считая других, я уже определенно слышал где-то о М. Златковском! В конце книжки-календаря ему, между прочим, предоставляют трибуну для так называемого интервью, где он, помимо всего прочего, призывает всех к «иронии над собой»! Вот пусть М. Златковский над собой и смеется!

И все это — тиражом в 100 тысяч экземпляров!

Пора принять ко всем вам меры и остановить мутный поток вседозволенности под флагом сатиры!

Учтите, я пойду до конца и дойду до самых верхов! Я уже развожусь с женой и детьми по причине их глупого смеха при чтении «Дневника зоолога» и других творений Н. Арзанова из этой вредной книжки!..

Не ваш читатель
П. А. Мятный.

Расставлял в письме запятые Рэм ПЕТРОВ, который от имени коллег-крокодильцев и от себя самого поздравляет клуб «Сюрприз» и издательство «Ставропольская правда» с веселым календарем. Ждем на 1990-й!

Рисунок В. КОВАЛЕНКО.

ННП

«Доверенность. Дана настоящая Кугар Н. П. в том, что правление колхоза доверяет ей быть истцом по делу падшей коровы».

(Из доверенности).

«В октябре месяце сего года при взвешивании и пересчете поголовья КРС обнаружена недостача и падеж животных. На отделении № 1 в дойном гурте Яковлева пала одна корова весом 345 кг из-за халатного отношения к своим обязанностям».

(Из приказа по совхозу).

«Прошу запретить Глобиным сушку белья в коммунальной кухне, содержание кошки, курение, прием пищи и гостей».

(Из искового заявления в суд).

«На момент обмена в квартире № 44 были прописаны жена, дочь и вещи».

(Из объяснения истца).

«Я решил изменить свою судьбу и поэтому изменил ей с другой женщиной».

(Из объяснения ответчика в суде по делу о расторжении брака).

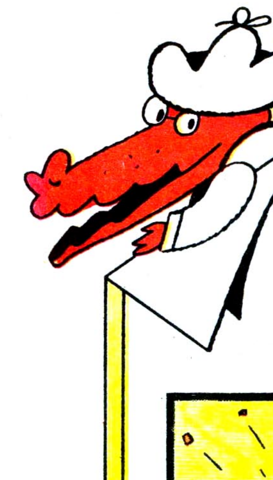
«Как я уехала отдыхать по курсовке, он опять запил, отправляя супружескую неверность».

(Из объяснения суду).

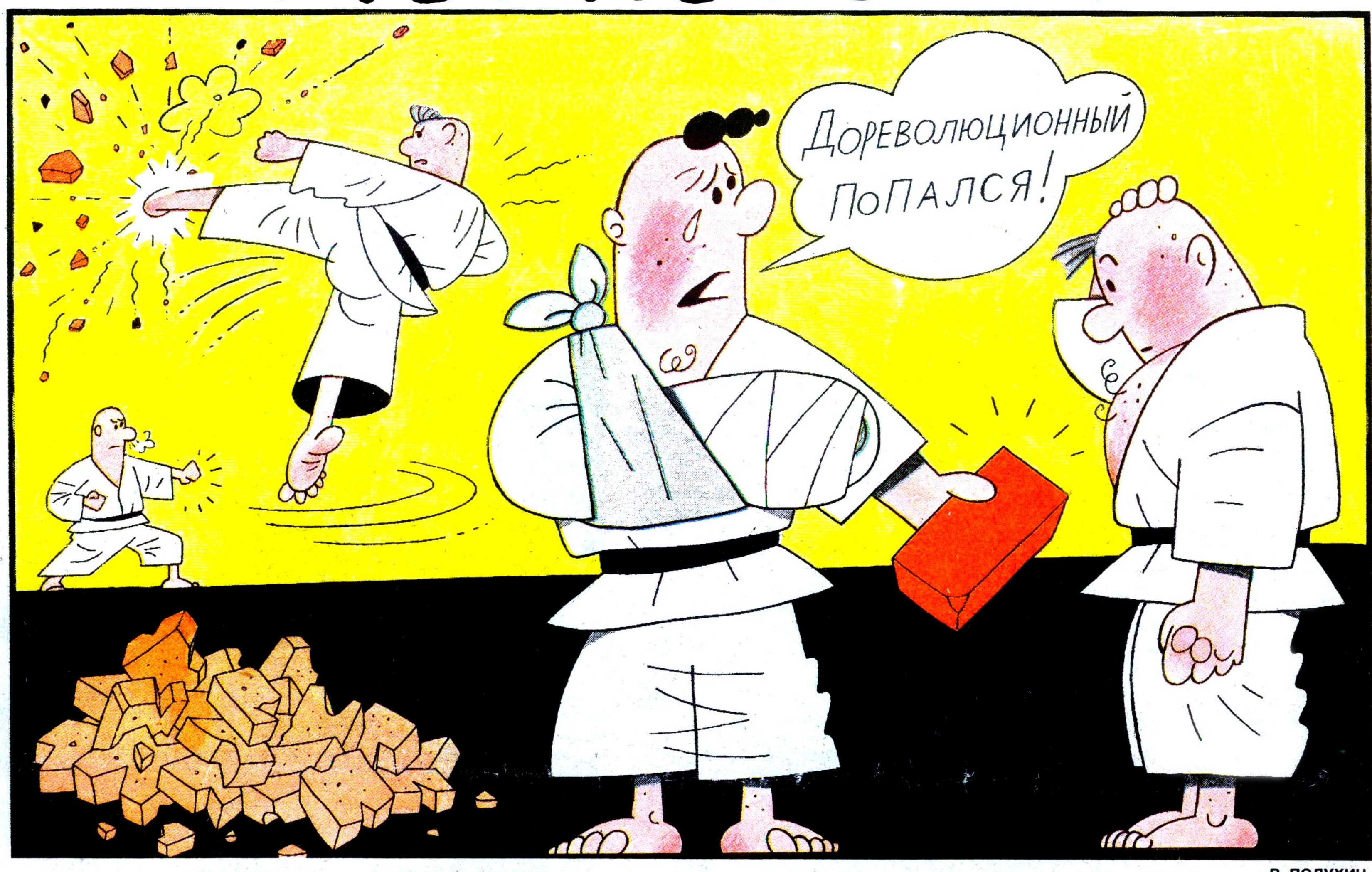
«Белан И. А. и Белан А. В. должны пасть в трезвом виде».

(Из договора на выпас скота).

Прислали Н. Корнева, С. Рыжов, г. Ростов-на-Дону.

ДЕКАБРЬ 89

В. ПОЛУХИН.

ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ	ВС
				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

1 ДЕКАБРЯ. Календарное начало зимы. Официальное окончание перелетов. Тех, кто не успел улететь в теплые края,до весны просят не беспокоиться.

22 ДЕКАБРЯ. Самый короткий День энергетика и самая длинная ночь. Конец света ожидается в 15 часов 57 минут, после этого всем нам станет до лампочки, а тем, кто в это время окажется на улице,— до фонаря.

31 ДЕКАБРЯ. Торжественные проводы старого счастья на заслуженный отдых. В 00 часов — бой курантов. Бить начнут, как всегда, с Петропавловска-Камчатского и далее по всей стране.

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

Таковыми могут считаться все Советы народных депутатов, выполняющие наказы своих избирателей.

ПРОГНОЗ ПОГОДЫ

В начале месяца что-то станет холодать. Ожидаются массовые торжества крестьян по поводу возможности вывоза оставшегося урожая на дровнях, минуя железнодорожное ведомство. К концу месяца по толщине снежного покрова на тротуарах и проезжей части улиц мы в два-три раза перегоним Америку, в пять раз Францию и в 24 — Арабские эмираты. Широкие круги общественности по-прежнему будет волновать вопрос о том, где раки зимуют. В районах расположения некоторых средств массовой информации возможны антициклонные возмущения, переходящие в завируху.

КОНСУЛЬТИРУЕТ ВРАЧ

Не доводите себя до такого состояния, когда вам станет необходим одноразовый шприц.

ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ СПИТ

Раз уж вы все равно не спите, займите с вечера очередь за шампанским.

ИЗ ПРЕДНОВОГОДНИХ ПРИЗЫВОВ

Работники Гознака!

Неустанно наращивайте производительность труда, увеличивайте выход конечного продукта!

Дежурная декабристка Н. ГРАЧЕВА.

Цена 30 коп. Индекс 70448.